

ТРАКТАТЪ
О САМОПОЗНАНІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

О САМОПОЗНАНІИ.

ТРАКТАТЪ

ІОАННА МЕСОНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

Изданіе третье.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ, НА КУЗНЕЦ. МОСТУ, Д. ТОРЖЕННАГО.
1872.

Отъ Московскаго Комитета для цензуры духовныхъ книгъ печатать дозволяется. Мая 3 дня, 1872 года.

Цензоръ Священникъ *Михаилъ Боголюбовскій*.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Имя Іоаннъ по англійски выговаривается Джонъ. Въ настоящемъ изданіи удерживается русское произношеніе.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНІЮ.

При второмъ изданіи перевода книги о Самопознаніи напечатано письмо, блаженной памяти, Высокопреосвященнѣйшаго Филарета Митрополита Московскаго, признавшаго эту книгу достойною вниманія и одобрявшаго трудъ переводившаго. Съ этимъ одобреніемъ издатель послалъ книгу ко всѣмъ Іерархамъ Россіи и имѣлъ утѣшеніе получить одобреніе сего труда и требованіе на присылку экземпляровъ по напечатанной на оберткѣ цѣнѣ. Попечители Учебныхъ округовъ Московскаго и Одесскаго также назначили выписать ее для подвѣдомственныхъ имъ училищъ. Сергіева Лавра потребовала для имѣющейся въ ней книжной продажи 200 экз.,—и полного изданія въ 1200 экземпляровъ, безъ публикаціи о немъ въ газетахъ, не достало для удовлетворенія требованію Тобольской Консисторіи 140 экз.

Принимая это за свидѣтельство сочувствія Россійскихъ Іерарховъ и Попечителей

двухъ учебныхъ округовъ къ одобренію почившаго Святителя Филарета Московскаго, издатель почелъ себѣ за долгъ напечатать нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, право же на изданіе сего перевода, онъ навсегда передаетъ Сергіевой Лаврѣ съ искреннимъ желаніемъ, чтобы съ книгою о Самопознаніи, и на будущее время, познакомились не только въ духовныхъ училищахъ, но и во всѣхъ Учебныхъ округахъ по примѣру Московскаго и Одесскаго. За это скажутъ имъ сердечное спасибо отцы и матери, когда увидятъ въ дѣтяхъ и взрослыхъ сыновьяхъ плоды истиннаго самопознанія въ исполненіи своихъ обязанностей къ Богу и ближнимъ, основанныхъ на любви христіанской, освящающей всѣ наши поступки и дающей нравственную силу въ борьбѣ съ пороками и увлеченіями. Дай Богъ, каждому испытать это надъ самимъ собою при помощи самопознанія, ведущаго къ самовоспитанію въ добрѣ и къ исполненію своихъ обязанностей какъ въ семейной, такъ и общественной жизни съ любовію къ родителямъ и отечеству.

С. М.

Письмо Высокопрѣосвященнѣйшаго
Митрополита Московскаго Филарета.

**Милостивый Государь,
Степанъ Алексѣевичъ!**

Книга о самопознаніи достойна вниманія. Вашъ трудъ есть плодъ любви къ ближнему, желающей споспѣшествовать ему въ душеполезномъ самопознаніи.

Принявъ книгу съ благодарностію, призываю Вамъ благословеніе Божіе, пребывая съ совершеннымъ почтеніемъ
Вашего Превосходительства

покорнѣйшій слуга

Филаретъ М. Московскій.

12 февраля 1865 г.

Москва.

Письма Преосвященнѣйшихъ Іерарховъ къ издателю съ одобреніемъ книги «О Самопознаніи».

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ПЛАТОНА,

АРХІЕПИСКОПА ДОНСКАГО.

Получивъ, при письмѣ Вашего Превосходительства, въ текущемъ октябрѣ мѣсяцѣ, экземпляръ изданной Вами книги „О самопознаніи“, приношу Вамъ искреннюю благодарность за сей пріятный для меня подарокъ; а вмѣстѣ неизлишнимъ считаю сообщить, что я вполне раздѣляю мнѣніе о сей книгѣ Высокопреосвященнѣйшаго Филарета, въ Бозѣ почившаго Митрополита Московскаго, и, желая по возможности содѣйствовать распространенію ея во ввѣренной мнѣ Епархіи, приказалъ объявить объ изданіи и цѣнѣ ея въ Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Увѣдомляя о семъ Ваше Превосходительство, покорнѣйше прошу прислать мнѣ 50 экземпляровъ Вашей книги, которые я намѣренъ разослать къ начальникамъ духовно-учебныхъ заведеній, мона-

стырскимъ настоятелямъ и благочиннымъ Донской Епархіи, дабы они, прочитавъ эту книгу, могли рекомендовать ее подвѣдомственнымъ лицамъ. Двадцать рублей, причитающіеся за эти экземпляры, я вышлю Вамъ по полученіи книжекъ. Если же Вы, Милостивый Государь, благоволите прислать мнѣ еще нѣсколько экземпляровъ сей книги для безмездной раздачи бѣднымъ духовнымъ воспитанникамъ, то я буду весьма благодаренъ Вамъ за это пожертвованіе.

Призывая благословеніе Божіе на Васъ и отъ души желая добраго успѣха въ общепользныхъ трудахъ Вашихъ, съ истиннымъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр.

Платонъ, Архіепископъ Донской.

30 октября 1871 г.

Новочеркасскъ.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ЕВСЕВІЯ,

АРХІЕПИСКОПА МОГИЛЕВСКАГО.

Много благодарю Васъ за доставленіе мнѣ книжки „О Самопознаніи,“ трактатъ Рж. Месона. Книжка эта мнѣ почти издѣтства знакома. А когда учился я въ Московской Духовной Академіи, намъ, воспитанникамъ Академіи, рекомендовалъ ее читать блаженной памяти Ѳеодоръ Александровичъ Голубинскій, и мы читали ее, передавая экземпляръ книжки одни другимъ. И Вашего изданія книжку эту читалъ я, и, получивъ экземпляръ втораго изданія, опять читалъ. Надобно человѣку повседневно смотрѣть на себя и всемѣрно сберегать свой человѣческій образъ, или стараться усвоить себѣ тотъ образъ, какой онъ долженъ носить въ себѣ по намѣренію своего Создателя.

Книжечъ О Самопознаніи я попрошу отпустить сто экземпляровъ за назначенную цѣну для моего употребленія: я люблю раздавать книги при удобныхъ случаяхъ и пр.

Евсевій, Архіепископъ Могилевскій.

Ноября 30 дня 1871 г.

Могилевъ на Днѣпрѣ.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО АНТОНІЯ,

АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО.

Получивъ посланный Вами мнѣ экземпляръ книги „О самопознаніи,“ долгомъ считаю принести Вамъ искреннѣйшую благодарность. Книга сія дѣйствительно можетъ быть очень полезною, и можно желать чтобы болѣе нашлось читателей ея.

Не желая остаться у Васъ въ долгу, покорно прошу принять и отъ меня нѣкоторыя книжки, при семъ посылаемыя.

А если вамъ угодно будетъ *gratis* выслать нѣсколько экземпляровъ Вашей книги, то я просилъ бы экземпляровъ шесть для скудныхъ средствами библіотекъ нѣкоторыхъ у меня учебныхъ заведеній.

Призывая на Васъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

Антоній, Архіепископъ Казанскій.

№ 3497

3 Ноября 1871 г.

Казань.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО АНТОНІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ВЛАДИМІРСКАГО.

Свидѣтельствую Вамъ мою признательность за экземпляръ книги „О Самопознаніи,“ имѣю честь препроводить десять рублей, на высылку 25 книгъ для имущихъ; назначеніе же количества таковыхъ въ безмездную раздачу, какъ напр. арестантамъ Спасо-Евфиміева монастыря и бѣднымъ обитателямъ Вязниковской и Флорищевской богадѣлень, зависитъ отъ Вашего благорасположенія.

Антоній, Архіепископъ Владимірскій.

19 Октября 1871 г.

Владиміръ на Клязмѣ.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ГРИГОРІЯ,

АРХІЕПИСКОПА КАЛУЖСКАГО.

Книгу „О самопознаніи“ и письмо Ваше отъ 10 октября имѣлъ я честь получить 17 того же мѣсяца, но замедлилъ отвѣтомъ, въ чемъ прошу извиненія. Я желалъ напередъ прочитатъ книгу со вниманіемъ; прочитавъ же, нашелъ вполнѣ справедливымъ мнѣніе ВысокопреосвященнѢйшаго Митрополита Филарета, что книга достойна вниманія, и посему передалъ объявленіе о ней въ редакцію Калужскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. За присланную книгу и на большее число экземпляровъ, прилагаю при семъ 4 рубля. А ежели изволите прислать вмѣстѣ сколько нибудь и безмездно для неимущихъ купить, то раздача будетъ сдѣлана.

Призывая на Васъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Григорій, Архіепископъ Калужскій.

17 ноября 1871 г.

Г. Калуга.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ПЛАТОНА,

АРХІЕПИСКОПА КОСТРОМСКАГО.

Имѣю долгъ принести Вашему Превосходительству мою усерднѣйшую благодарность за присланную Вами мнѣ книгу 2-го изданія „О Самопознаніи“.

Прошу покорнѣйше благосклонно принять прилагаемую при семъ книгу моихъ трудовъ.

О выходѣ въ свѣтъ 2-го изданія книги „О Самопознаніи“ будетъ опубликовано по Костромской Епархіи надлежащимъ порядкомъ.

Призывая на Васъ благословеніе Божіе, пребываю съ глубочайшимъ почитаніемъ.

Платонъ, Архіепископъ Костромской.

20 Октября 1871 г.
Кострома.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МАКАРІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ЛИТОВСКАГО.

Получивъ съ признательностію присланный при письмѣ Вашего Превосходительства отъ 26 октября экземпляръ втораго изданія переведенной Вами книги „О самопознаніи“, имѣю честь увѣдомить Васъ, что о приглашеніи духовенства къ приобрѣтенію этой книги сдѣлано мною распоряженіе.

Призывая на Васъ Божіе благословеніе, съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Макарій, Архіепископъ Литовскій и Виленскій.

13 ноября 1871 г.
Вильна.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО ПАРФЕНІЯ,

АРХІЕПИСКОПА ИРКУТСКАГО.

Приношу мою искреннюю благодарность, за доставленную мнѣ Вами книгу „О Самопознаніи“.

Я предложилъ Правленію Семинаріи выписать Вашу книгу, какъ полезную.

Съ искреннею преданностію, имѣю честь быть покорнѣйшимъ слугою.

Парфеній, Архіепископъ Иркутскій.

21 Января 1872 г.

Иркутскъ.

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ВИКТОРИНА,

ВИКАРІЯ КАЗАНСКАГО.

Сейчасъ я получилъ Ваше письмо отъ 15 Октября съ книгою „О Самопознаніи“. Приношу Вашему Превосходительству благодарность, что вспомнили о человѣкѣ, который проникнуть съ Вами одинакими чувствами любви къ народу и заботы о его просвѣщеніи.

Мнѣ слѣдовало бы повременить отвѣтомъ Вамъ, — писать по прочтеніи Вашей книги, чтобы выразить свое слово о ней, но уже самый предметъ ея, а потомъ и отзывъ о ней Блаженнаго Митрополита Филарета, столь великаго святителя нашихъ дней, прежде чтенія ея располагаетъ въ ея пользу. Скажу только, что заповѣдь „О Самопознаніи“ я всегда считалъ однимъ изъ первыхъ правилъ нравственной жизни и даже имѣлъ случай получать благодарность отъ лицъ, нынѣ не высоко поставленныхъ, которымъ въ юности внушалъ „всегда ходить въ самопознаніи“. Надѣюсь, что книга Ваша поможетъ мнѣ проводить въ среду людей высокоуважаемое мною нравственное правило.

Съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Викторинъ, Епископъ Чебоксарскій и Викарій Казанскій.

12 октября 1871 г.

Казань.

ПРЕОСВЯЩЕННАГО САВВЫ,

ЕПИСКОПА ПОЛОЦКАГО.

Примите мою искреннюю благодарность за благосклонное доставленіе мнѣ экземпляра вторично изданной Вами книги „О Самопознаніи“. Сочиненіе это, какъ извѣстное уже мнѣ еще по первому изданію Вашему, я немедленно распорядился предложить для выписки всему духовенству ввѣренной мнѣ епархіи. Если же Вашему Превосходительству угодно будетъ выслать нѣсколько экземпляровъ этого сочиненія для духовныхъ училищъ и бѣднѣйшихъ сельскихъ церквей gratis, то эта жертва Ваша будетъ принята мною съ чувствомъ сердечной признательности.

Хотѣлъ бы и я, въ свою очередь принести Вашему Превосходительству нѣкій малый даръ, но къ сожалѣнію, въ настоящую минуту, онъ еще не готовъ. Я разумѣю Описаніе перенесенія мощей Преп. Евфросиніи, Княжны Полоцкой, изъ Кіева въ Полоцкій Спасо-Евфросиніевскій монастырь. Книжка эта еще не кончена печатаніемъ, когда же будетъ готова, то я не замедлю представить Вамъ нѣсколько экземпляровъ.

Призывая на Васъ Божіе благословеніе, съ почтеніемъ и проч.

Савва, Епископъ Полоцкій.

9 ноября 1871 г.

Витебскъ.

ПРЕОСВЯЩЕННАГО АЛЕКСАНДРА,

ЕПИСКОПА МИНСКАГО.

Приношу Вамъ усердную благодарность за присланную книгу „О самопознаніи“. Книга эта дѣйствительно заслуживаетъ полнаго вниманія и для читающихъ со вниманіемъ можетъ доставить душевную пользу. Желательно, чтобъ болѣе было охотниковъ для приобрѣтенія такой полезной книги. Мною рекомендована она наставникамъ духовныхъ учебныхъ заведеній и всѣмъ священникамъ чрезъ Епархіальныя Вѣдомости. Прошу выслать для меня 25 экземпляровъ за прилагаемыя при семъ 10 руб. и экземпляровъ 10 или 15 для неимѣющихъ средствъ.

Призывая на Васъ Божіе благословеніе, съ истиннымъ почтеніемъ и проч.

Александръ, Епископъ Минскій.

12 ноября 1871 г.

Минскъ.

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ПЛАТОНА,

ЕПИСКОПА ТОМСКАГО.

Приношу Вамъ благодарность за доставленіе изданной Вами книги „О самопознаніи“, значеніе и достоинство которой оцѣнены достопамятнымъ Московскимъ святителемъ, Митрополитомъ Филаретомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу покорно Ваше Превосходительство сдѣлать распоряженіе о высылкѣ 15 экз. этой книги на мое имя за прилагаемая при семъ 6 руб., предоставляя благоусмотрѣнію Вашему высылку нѣсколькихъ экземпляровъ gratis для ученическихъ библіотекъ Семинаріи и двухъ духовныхъ училищъ.

Призывая на Васъ благословеніе Божіе, съ совершеннымъ почитеніемъ и проч.

Платонъ, Епископъ Томскій.

27 ноября 1871 г.

Томскъ.

ПРЕОСВЯЩЕННАГО ГУРІЯ,

ЕПИСКОПА ТАВРИЧЕСКАГО.

Письмо Ваше отъ 26 октября текущаго года съ приложеніемъ книги „о самопознаніи“ получилъ. Весьма благодаренъ Вамъ за ознакомленіе меня съ Вашимъ трудомъ. Книга хорошая; думаю, что найдутся охотники приобрѣсти ее. Но какъ велико число этихъ охотниковъ сказать даже предположительно не отваживаюсь. Не угодно ли Вамъ будетъ прислать намъ, въ книжную лавку при консисторіи, на имя завѣдующаго этой лавкой, члена консисторіи священника Іоакима Щербинина пока экземпляровъ хоть 20 (или сколько разсудите). Мы 15 экзем. пошлемъ по благочиніямъ для ознакомленія съ содержаніемъ книги и затѣмъ будемъ продавать по назначенной Вами цѣнѣ. Что выручится, будетъ пересылаться къ Вамъ по данному Вами адресу. Другаго, болѣе пригоднаго способа выразить мое сочувствіе Вашему предложенію я не вижу.

Съ совершеннымъ почитеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего превосходительства

Покорнымъ слугою

Гурій, Епископъ Таврическій.

1 декабря 1871 г.

№ 3050.

ЧЛЕНА СВЯТѢЙШАГО СУНОДА,

ПРОТОПРЕСВИТЕРА В. В. БОЖАНОВА.

Присланную мнѣ Вашимъ Превосходительствомъ книжку я прочиталъ, и думаю, что, не смотря на многолѣтнее мое знакомство съ самимъ собою, прочиталъ не безъ пользы, читалъ по немного и, прочитавши, долгомъ поставлю, засвидѣтельствовать Вамъ искреннюю мою благодарность, за полезный даръ Вашъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, честь имѣю быть

Вашего Превосходительства

покорнымъ слугою

Протопресвитеръ, В. Божановъ.

3 Марта 1871 г.

С.-Петербургъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Трактатъ о самопознаніи написанъ Джономъ Месономъ въ 1744 году и имѣлъ въ Англіи множество изданій. Онъ переведенъ едва ли не на всѣ европейскіе языки въ просвѣщенныхъ государствахъ. Авторъ имѣлъ цѣлю познакомить съ самопознаніемъ всѣхъ, особенно молодыхъ людей, приготовляющихся въ семинаріяхъ и университетахъ къ духовному званію, въ которое въ Англіи поступаютъ многіе изъ младшихъ дѣтей лордовъ, неучаствующие въ маіоратахъ. Трактатъ его конечно стоитъ вниманія и чтенія и немалыхъ людей, а потому, при многихъ изданіяхъ какъ въ Англіи, такъ во Франціи и Германіи и у насъ въ Россіи, прибавляли къ нему много примѣчаній, сообразно съ цѣлю издателей и предполагаемымъ кругомъ читателей. Но въ Англіи же есть нѣсколько изданій, напечатанныхъ и безъ примѣчаній даже самого автора, собранныхъ имъ изъ древнихъ греческихъ и латинскихъ писателей, обратившихъ, по его словамъ, впервые его вниманіе на самопознаніе. При этомъ издатели

старались сдѣлать книгу ручною и болѣе доступною для читателей всѣхъ классовъ людей, для которыхъ она можетъ быть полезна.

Въ 1860 году, въ 1 № *Странника*, была помѣщена превосходная статья о самопознаніи Проф. Карпова. Въ ней встрѣтили мы нѣкоторыя мысли, высказанныя и въ книгѣ Д. Месона. — Это подало мысль перевести трактатъ его на русскій языкъ прямо съ англійскаго изданія 1818 г. безъ примѣчаній, чтобы познакомить читателей только съ подлинникомъ сочинителя, а современную статью Пр. Карпова, съ его позволенія, присоединить къ тексту англійскаго писателя въ видѣ эпилога.

Какъ ни обширенъ въ настоящее время кругъ наукъ, занимающихъ современное общество: телескопы открыли неизслѣдимыя пространства міровъ небесной сферы, микроскопы открыли чудеса міра инфузорій, но знакомство съ собою никому не излишне и трактатъ Д. Месона, вмѣстѣ съ эпилогомъ русскаго глубокаго мыслителя и Профессора философіи, помогая самопознанію, можетъ быть, поведетъ къ открытію и въ себѣ того, что оставалось для насъ невѣдомою странною, terra incognita. Въ одномъ можно убѣдиться по опыту, что самопознаніе никому не помѣшаетъ въ его добрыхъ и полезныхъ занятіяхъ. Дай Богъ!

ПРЕДИСЛОВІЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Первое изданіе, напечатанное въ 1865 году, все вышло; теперь издается второе, проверенное съ оригиналомъ и исправленное. Дай Богъ, чтобы въ настоящее время, смутное для мыслей и чувствъ, нашлись желающіе познакомиться, чрезъ Самопознаніе, съ источникомъ добрыхъ и злыхъ мыслей и чувствъ въ самихъ себѣ. Къ сему конечно могутъ содѣйствовать предлагаемое въ переводѣ сочиненіе и прекрасный эпилогъ русскаго, глубокаго мыслителя, профессора философіи — какъ науки, но вмѣстѣ и практическаго христіанина, пользовавшагося всеобщимъ уваженіемъ своихъ слушателей и сотрудниковъ.

Въ особенности желательно, чтобы эта книжка была уважена преподавателями въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ. А что она того достойна, это свидѣтельствуетъ, прилагаемое при семъ, письмо Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Филарета къ одному изъ переводившихъ.

Психологическое свойство этой книжки таково, что объ ней нельзя сказать: *я ее знаю, я ее прочелъ*; нѣтъ; съ помощію ея можно во всю жизнь

читать самого себя и смотрѣться въ нее какъ въ зеркало. При этомъ, къ удивленію своему, каждый разъ увидишь въ себѣ что нибудь незамѣченное прежде, или неисправленное. Тогда-то, съ искреннимъ сознаніемъ своихъ недостатковъ, обратишься къ практическому изученію послѣдней главы, которою заключается сочиненіе автора и, съ истинною благодарностію, вновь прочтешь и вдумашься въ драгоцѣнный эпилогъ русскаго мыслителя и христіанина-философа.

Постепенная польза такого чтенія повѣряется на дѣлѣ, самую жизнь. Дай Богъ, чтобы нашлось побольше такихъ читателей въ нашемъ отечествѣ, которые бы, чрезъ знакомство съ Самопознаніемъ, захотѣли рѣшить въ себѣ вопросъ: Неужели я себя не знаю? и перейти къ практическому самовоспитанію, имѣющему продлиться во всю жизнь. Это нисколько не помѣшаетъ добрымъ занятіямъ нашимъ, къ какому бы званію мы ни принадлежали и въ какомъ бы положеніи ни находились. Напротивъ; это придастъ силы быть полезнымъ для отечества, для себя и ближнихъ и познакомиться съ безсмертною жизнью души нашей. — Дай Богъ!

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Предметъ настоящаго трактата, великой важности; но, сколько помню, мнѣ не довелось еще видѣть, чтобы его изслѣдовали съ такою же точностію, ясностію и силою, какъ другіе нравственные, или богословскіе вопросы. И дѣйствительно, мы весьма рѣдко встрѣчаемъ, чтобы намъ предлагали его съ каедръ, или въ печати, послѣдовательно и вполне-основательно и правильно изложеннымъ. Это, вмѣстѣ съ убѣжденіемъ въ его великой пользѣ для всѣхъ, побудило меня къ опыту сдѣлать его болѣе извѣстнымъ между христіанами.

Конечно г. Бакстеръ уже издалъ объ этомъ предметѣ сочиненіе подъ названіемъ: *о вредѣ незнанія себя и о пользѣ самопознанія*, и я съ признательностію имъ воспользовался. Но онъ, по своему обыкновенію, рассуждаетъ объ этомъ предметѣ такъ пространно и растянуто, такъ много вводитъ въ него постороннихъ предметовъ, опуская собственно къ нему принадлежащее, и объ нѣкоторыхъ говоритъ такъ поверхностно, что я и не

ожидалъ бы этого отъ него, и убѣдился, что самопознаніе заслуживаетъ болѣе правильнаго, основательнаго и методическаго изложенія.

Я далеку отъ тщеславія думать, что въ предлагаемомъ сочиненіи вполнѣ избѣгъ недостатковъ, замѣченныхъ мною въ книгѣ этого благочестиваго и превосходнаго писателя. Но если я не заслужу еще болѣе строгихъ замѣчаній, то буду обязанъ тѣмъ благосклонности читателей, въ которой конечно они мнѣ не откажутъ, сознавая важность и обширность предмета. Сообразно съ этимъ, почти невозможно не останавливать размышленія на предметѣ столь богатомъ, по справедливости достойномъ всего вниманія, и конечно нельзя не обращать его и на многія частности, имѣющія тѣсную связь съ главною цѣлю, какъ это сдѣлано мною въ XIV гл., гдѣ говорится о познаніи и наблюденіи нашихъ мыслей и управленіи ими. Но большая разница между краткимъ, случайнымъ отступленіемъ и далекимъ увлеченіемъ отъ предмета, вслѣдъ за разыгравшимся воображеніемъ, чего здравый вкусъ не извиняетъ, хотя ему и не противно, если авторъ, идя по своему пути, сорветъ на сторонѣ нѣсколько цвѣтковъ и поспѣшитъ возвратиться къ своему предмету.

При этомъ я долженъ просить снисхожденія читателей за частыя ссылки на древнихъ языческихъ писателей, что мнѣ и самому кажется какимъ-то хвастовствомъ начитанностію, котораго я ненавижу. Но съ этими писателями я познакомился

прежде, и они-то обратили мое вниманіе на самопознаніе. Въ ихъ афоризмахъ я встрѣтилъ много здраваго смысла, и это заставило меня уважать ими такъ, что я не выдержалъ искушенія выписывать изъ нихъ многое, относящееся къ моему предмету. Впрочемъ, если читатель найдетъ, что выноски прерываютъ послѣдовательность чтенія, то можетъ ихъ и не читать, но при этомъ, конечно, онъ лишается многихъ прекрасныхъ мыслей и чувствъ, собранныхъ въ этихъ примѣчаніяхъ. *)

Я припоминаю, что одинъ изъ новыхъ писателей весьма недоволенъ былъ тѣмъ, что Адиссонъ въ своемъ Зрителѣ (Spectator) **) часто упоминаетъ имя Платона, и назвалъ это „передачею мелочей съ затаенною претензіей на ученость, за что онъ заслуживаетъ строгаго порицанія“. — И конечно болѣе строгаго нельзя было ожидать подъ такимъ ничтожнымъ предлогомъ. Отъ читателя, съ такимъ утонченнымъ вкусомъ, я уже не могу ожидать пощады; но большинство конечно оцѣнитъ: кто изъ этихъ двухъ писателей болѣе заслуживаетъ порицанія?

При этомъ сочиненіи я преимущественно имѣлъ цѣль быть полезнымъ молодымъ людямъ, особенно студентамъ и кандидатамъ, готовящимся къ

*) Въ изданіи, съ котораго переведено это сочиненіе, ссылки и примѣчанія опущены, кромѣ помѣщенныхъ въ самомъ текстѣ.

**) Журналъ издаваемый Адиссономъ.

духовному званію, для которыхъ (при хорошемъ изученіи слова Божія) нельзя найти болѣе близкой и необходимой имъ науки, какъ предлагаемая мною въ этомъ трактатѣ; она выше всѣхъ другихъ отраслей знаній. Несомнѣнно, что главная цѣль философіи, какъ естественной, такъ и нравственной, состоитъ въ познаніи себя и Бога. Высшая наука: быть мудрымъ, а высшая мудрость: быть добрымъ, какъ сказалъ гдѣ-то Маркъ Антонинъ.

При размышленіи объ этомъ, часто приходила мысль: какъ жалъ, что такая общепользная наука находится въ совершенномъ пренебреженіи. При новомъ методѣ воспитанія, и наставники и попечители, какъ въ публичныхъ, такъ и въ частныхъ училищахъ и семинаріяхъ, совсѣмъ забываютъ, что нравственное образованіе болѣе необходимо для лучшаго воспитанія юношества, нежели одно разумичное. Сократъ былъ того же мнѣнія и всю философію подчинялъ нравственности; онъ болѣе заботился объ исправленіи нравовъ своихъ учениковъ, нежели объ обогащеніи ихъ свѣдѣніями и смотрѣлъ на всякое знаніе какъ на бесполезное, если оно не имѣетъ цѣлю сдѣлать человѣка мудрымъ и добрымъ. И безъ сомнѣнія, еслибы въ академіяхъ молодые люди имѣли счастье изучить великую науку: беречь свою добрую нравственность, управлять своими страстями и остерегаться своихъ слабостей: то конечно, во всю жизнь получили бы больше пользы, нежели отъ знаком-

ства съ системами древней и новѣйшей философіи.

На вопросъ: чему преимущественно должно учить юношей? Агезилай Спартанскій весьма справедливо и умно отвѣчалъ: „тому что имъ будетъ всего нужнѣе, когда они сдѣлаются мужами“. Еслибъ одно это правило было введено въ методъ воспитанія, то оно конечно принесло бы гораздо больше пользы нашимъ юношамъ, нежели какъ это обыкновенно бываетъ. Дк. Фоллеръ замѣчаетъ, „что труды, прилагаемые нами къ изученію книгъ, въ которыхъ излагаются предметы весьма далекіе отъ пользованія ими въ жизни, можно назвать трудолюбивою праздностью“. А какъ часто встрѣчаются въ жизни случаи, при которыхъ молодые люди могутъ практически пользоваться наукой самопознанія, и какъ они будутъ сожалѣть, что не знали ея прежде! Но есть ли хотя что нибудь, въ чемъ бы они имѣли менѣе руководства и добрыхъ совѣтовъ, какъ въ умѣннѣ владѣть своими страстями и предразсудками? И какое время жизни, какъ не ранняя молодость, болѣе удобно къ такому руководству, чтобы положить основаніе для этой, хотя трудной, но истинно полезной науки?

Могутъ сказать: что долгъ и забота родителей, наблюдать за своими дѣтьми и исправлять ихъ нравъ съ самаго дѣтства, когда это всего удобнѣе.

Но если этого не было сдѣлано въ началѣ (какъ это нерѣдко случается), то тѣмъ необходимѣе позаботиться о томъ впослѣдствіи. Это общая обя-

занность всѣхъ, кому поручено попеченіе о дѣтяхъ, и на это надо смотрѣть какъ на самую важную и необходимую часть воспитанія.

Одинъ изъ великихъ богослововъ сказалъ: кто успѣваетъ болѣе въ наукахъ, нежели въ нравственности, тотъ болѣе теряетъ, нежели приобрѣтаетъ. А мы можемъ прибавить, что кто не успѣваетъ въ улучшеніи своего нрава, наравнѣ съ приобрѣтеніемъ познаній, тотъ не дѣлается лучшимъ; потому что самые успѣхи въ наукѣ онъ долженъ измѣрять исправленіемъ своей нравственности и помнить, что онъ не прежде сдѣлается истинно ученымъ, какъ сдѣлавшись мудрымъ и добродѣтельнымъ человѣкомъ, и не можетъ быть *кончалымъ* философомъ, пока не будетъ истиннымъ христіаниномъ.

Но отъ чего же нравственная философія, столь уважаемая въ древней академіи, принуждена была въ новѣйшей уступить мѣсто натуральной философіи, которая прежде была только вспомогательною для нея наукой? Это оказывается не только непоследовательнымъ, но и вреднымъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Умъ и мысли получаютъ въ жизни то направленіе, какое дано имъ въ молодости, а потому весьма естественно не обращать вниманія и совсѣмъ не заботиться о томъ, о чемъ намъ вовсе не говорили какъ о важномъ предметѣ. Такимъ образомъ остаются въ небреженіи и неуваженіи такіе предметы, которые гораздо необходимѣе для того, чтобы сдѣлать человѣка мудрымъ и ис-

тинно разумнымъ, нежели тѣ начальныя основанія наукъ, какія мы выносимъ изъ школы, или коллегіи. И дѣйствительно; грустно видѣть молодаго, благороднаго человѣка (джентельмена), съ блестящими способностями, прекраснымъ расположеніемъ, который, окончивъ обыкновенный курсъ академическихъ, или университетскихъ наукъ, вступаетъ въ свѣтъ рабомъ своихъ страстей и предразсудковъ, которые росли вмѣстѣ съ его ученіемъ и о которыхъ онъ будетъ сожалѣть и стыдиться ихъ, когда лучше познакомится съ жизнію и человѣческою натурой. Къ несчастію, можетъ быть онъ и во всю жизнь не приобрѣтетъ того, что, при хорошемъ воспитаніи, долженъ бы получить въ юности; потому что дурное воспитаніе есть одна изъ причинъ, почему не многіе умѣютъ владѣть своими страстями *).

Я нисколько не думаю унижать какую бы то ни было отрасль человѣческихъ познаній, но порадовался бы, еслибъ увидѣлъ въ большемъ уваженіи самую полезную вѣтвь наукъ, то-есть: познаніе сердца, открытіе и исправленіе вреднѣйшихъ предразсудковъ и умѣнье владѣть своимъ темпераментомъ и страстями. Эта наука, самая необходимая для того, чтобы сдѣлать юношу истинно благороднымъ человѣкомъ и христіаниномъ.

Если въ этомъ краткомъ трактатѣ находится

*) Три причины худыхъ страстей: дурное воспитаніе, большое невѣжество и разстройство въ телѣсномъ организмѣ. Соч.

то, чѣмъ молодые люди могутъ воспользоваться при образованіи ума и при желаніи познакомиться съ наукою наиболѣе приложимою къ жизни, то я желалъ бы, чтобъ эта книга была чаще у нихъ въ рукахъ для ихъ пользы.

Въ заключеніе, я ничего не могу прибавить къ сказанному, кромѣ желанія, чтобы читатели извинили меня за свободу, съ какою я выразилъ мои чувства объ этомъ предметѣ, и передаю мой трудъ ихъ чистосердечному и не легкомысленному вниманію, испрашивая на то благословенія Божія.

ТРАКТАТЪ

О САМОПОЗНАНІИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Сущность и важность самопознанія.

Желаніе знать врожденно человѣку и ничто такъ не показываетъ его свойствъ и склонностей, какъ тотъ родъ знаній, къ которому онъ наиболѣе расположенъ.

Такъ мы видимъ, что дѣти, при слабомъ ихъ умѣ, любятъ больше забавляться игрушками; безпечный только тѣмъ, что служитъ къ его удовольствію, или занимаетъ его воображеніе; любопытный болѣе любитъ рассказы о происшествіяхъ; разсудительный и проницательный человѣкъ любитъ доказательства и математическія науки; свѣтскій не уважаетъ ничего, кромѣ знанія свѣта: но

мудрый и благочестивый человекъ предпочитаетъ всему познание Бога и своей души.

Когда человекъ постоянно занимается, тѣмъ или другимъ родомъ познаній, то, по этому, легко можно узнать его главную наклонность и его нравъ.

Желаніе познаній также свойственно нашей натурѣ; но если оно не будетъ хорошо направлено, то можетъ послужить намъ во вредъ. Стремясь къ ненадлежащимъ предметамъ, или употребляя дурной способъ къ познанію, оно можетъ превратиться въ пустое и преступное любопытство. На это указываетъ намъ священное преданіе о нашихъ прародителяхъ; а несчастныя послѣдствія этого слишкомъ видимы во всѣхъ людяхъ. Предметъ сего трактата: *Самопознаніе*, о которомъ чѣмъ больше я размышляю, тѣмъ важнѣе и обширнѣе онъ мнѣ представляется, и столь важнымъ, что каждая отрасль его кажется рѣшительно необходимою для надлежащаго управленія жизнью и темпераментомъ. Предметъ столь обширенъ, что чѣмъ ближе мы его рассматриваемъ, тѣмъ яснѣе становится, что всѣ его части необходимо связаны одна съ другою, какъ это встрѣчаемъ при микроскопическихъ наблюденіяхъ естественныхъ предметовъ. Чѣмъ лучше стекла и чѣмъ ближе мы рассматриваемъ предметъ, тѣмъ болѣе показывается въ немъ чудесъ и самыхъ неожиданныхъ открытій въ его свойствахъ, частяхъ и соотношеніяхъ, о которыхъ прежде мы вовсе и не думали. Такъ, при истинномъ самопознаніи, надо точнѣе рассмотреть ду-

шевные качества съ ихъ силами и дѣйствіями; открыть ихъ соединеніе и связь между собою, иначе познаніе самихъ себя будетъ частное, не полное, и кончится тѣмъ, что сердце наше обманетъ насъ. При изслѣдованіи сего предмета, съ одной стороны, надо избѣгнуть слишкомъ поверхностнаго на него взгляда, что было бы недостойно столь важнаго предмета, съ другой не вдаваться въ слишкомъ мелочныя, философическія изслѣдованія, не для всѣхъ полезныя. Имѣя въ виду этѣ крайности, я постараюсь избрать между ними средній путь.

Познай себя: это есть самое обыкновенное и самое понятное правило во всей нравственной наукѣ. Извѣстно, въ какомъ уваженіи оно было у древнихъ и какъ высоко они цѣнили необходимое для того самоиспытаніе.

Сохранилось преданіе, что это правило впервые было высказано Фалесомъ милетскимъ, часто повторявшимъ: „всего труднѣе на свѣтѣ человеку познать самого себя“. Послѣ принято оно Хилономъ лакедемонскимъ и, по увѣренію Плинія, было однимъ изъ трехъ изрѣченій, написанныхъ золотыми буквами на храмѣ Аполлона въ Делосѣ. Ему все болѣе и болѣе удивлялись; многіе его повторяли и наконецъ оно приобрѣло такой авторитетъ, какъ изрѣченіе оракула и приписано самому Аполлону. Это общее мнѣніе Цицеронъ объясняетъ слѣдующими словами: „оно заключаетъ въ себѣ такой глубокий смыслъ и такую мудрость,

что было бы слишком много приписывать его человѣку“.

Вслѣдствіе этого общаго мнѣнія, что оно сказано самимъ Аполономъ, его написали золотыми буквами надъ его храмомъ въ Делосѣ.

Трудно понять, почему это превосходное правило не столь высоко цѣнится въ христіанскомъ мірѣ, какъ у язычниковъ. Человѣческая натура все таже, какая была, сердце также обманчиво, и необходимость наблюдать за нимъ, узнать и сберечь его все таже. Менѣ ли мы увѣрены, что это правило божественное? Нѣтъ; мы гораздо болѣе въ томъ увѣрены, нежели язычники. Они только полагали, что оно пришло съ неба, а мы въ этомъ удостовѣрены; потому что это священное изрѣченіе высказано намъ въ многоразличномъ свѣтѣ и объяснено со многихъ сторонъ Духомъ Святымъ. Въ откровеніи, которое Богу угодно было даровать намъ для руководства къ исполненію нашихъ обязанностей и для нашего счастія, „мы какъ въ зеркалѣ можемъ разсматривать самихъ себя и познать: чтѣ мы такое?“

Это открытіе насъ самимъ себѣ проникаетъ въ самые тайные изгибы души, срываетъ всякое притворство, открываетъ нашу внутреннюю сторону, строго изслѣдываетъ душу и духъ и „судитъ наши помышленія и намѣренія сердца“.

Оно показываетъ: съ какою точностію и тщаніемъ должны мы открывать и различать нашихъ собственныхъ духовъ, *1 Посл. Иоан. IV.* сказано:

„Возлюбленные! не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они? потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. Духа Божія и духа заблужденія узнавайте такъ: всякій духъ, который исповѣдуетъ Іисуса Христа, пришедшаго во плоти, есть отъ Бога. А всякій духъ, который не исповѣдуетъ І. Христа, пришедшаго во плоти, не есть отъ Бога, но это духъ антихриста, о которомъ вы слышали, что онъ придетъ, и теперь есть уже въ мірѣ“. Мы должны испытывать себя и смотрѣть: куда мы идемъ, и наблюдать за своимъ сердцемъ, чтобы пріобрѣсти знаніе самихъ себя, которое такъ часто намъ совѣтуется: „самихъ себя изслѣдывайте, или вы не знаете себя? *2 Кор. XIII. 5.* Испытывайте самихъ себя: въ вѣрѣ ли вы; самихъ себя изслѣдывайте. Или вы не знаете самихъ себя, что Іисусъ Христосъ въ васъ? Развѣ только вы не то, чѣмъ должны быть“. *1 Кор. XI. 28.* „Да испытываетъ же себя человѣкъ, и такимъ образомъ пусть ѣстъ отъ хлѣба сего и пьетъ изъ чаши сей“. Спаситель нашъ упрекалъ учениковъ своихъ: „вы не знаете какого вы духа. *Луки IX. 55:* Апостолъ говоритъ къ *Галатамъ: VI. 3, 4:* „Кто почитаетъ себя чѣмъ нибудь, будучи ничто, тотъ обольщаетъ самъ себя. — Каждый да испытываетъ свое дѣло, и тогда будетъ имѣть похвалу только въ себѣ, а не въ другомъ“. — Здѣсь предписывается намъ судить себя, а не другихъ и избѣгать непростительной поспѣшности въ осужденіи другихъ за тѣже преступленія,

въ которыхъ мы сами виновны *Къ Римл. 11, 1, 21, 22.* „И такъ не извинителенъ ты, всякій человекъ, судящій другаго; ибо тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другаго осуждаешь себя, потому что, судя другаго, дѣлаешь тоже. Какъ же ты, уча другаго, не учишь себя самого? Проповѣдуешь не красть, а крадешь? Говоря: не прелюбодѣйствуй, прелюбодѣйствуешь? гнушаясь идоловъ, святотатствуешь?“—Незнающій себя очень способенъ къ этому и скорѣе соблазняется малымъ недостаткомъ въ характерѣ другаго, нежели большимъ въ своемъ собственномъ. За такое глупое незнаніе самаго себя и лицемѣріе самъ Спаситель строго укоряетъ. *Матѳ. VII. 3, 4, 5:* „Что ты смотришь на спицу въ глазѣ брата твоего, а бревно въ своемъ глазѣ не чувствуешь? Или, какъ можешь сказать брату своему: дай, я выну спицу изъ глаза твоего, а вотъ, въ твоемъ глазѣ бревно? Лицемѣръ! вынь прежде бревно изъ своего глаза, и тогда увидишь, какъ вынуть спицу изъ глаза брата твоего“.

А сколь важнымъ почиталось познаніе самаго себя въ ветхомъ завѣтѣ, это мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ изрѣченій: „Со всякимъ тщаніемъ храни твое сердце *Притч. IV. 4.* Гнѣваясь, не согрѣшайте; размыслите въ сердцахъ вашихъ, на ложахъ вашихъ—и умилитесь. *Псал. IV. 4.* Испытай меня Боже и виждь сердце мое, изслѣдуй меня и познай помышленія мои. *Псал. CXXXIX. 23, 2.* Испытай меня, Господи, и искуси меня, переплавъ

внутренность мою и сердце мое“. *Псал. XXV. 2.* Испусти меня, Господи, и испытай меня; расплавъ внутренности мои и сердце мое“. *Іереміи III. 40:* Осмотримъ лучше пути свои, и изслѣдуемъ, и обратимся къ Іеговѣ. *Софоніи II. 1:* Войдите въ себя, и осмотрите себя, народъ безчувственный“.

И все это необходимо для знакомства съ самимъ собою, которое одно можетъ быть твердымъ основаніемъ прочнаго мира.

Если бы всѣ были болѣе убѣждены въ важности и необходимости такого самопознанія и имѣли къ нему должное уваженіе; еслибъ знали истинный путь къ нему, и, при мысли о его превосходствѣ и гибельныхъ послѣдствіяхъ незнанія себя, сдѣлали бы его предметомъ своихъ занятій и изученія, и ежедневно въ немъ упражнялись: то какъ бы скоро увидѣли мы счастливое измѣненіе въ умахъ и поведеніи людей. Но та бѣда, что человекъ не хочетъ *думать*, не хочетъ остановить мыслей на такихъ предметахъ, которые наиболѣе того достойны. При такой невыразимой безпечности, упорствѣ и отвращеніи отъ познанія самихъ себя, они, какъ ослѣпленные, нечувствительно идутъ болѣе опаснымъ путемъ невѣрія и заблужденія, нежели прежніе Іудеи. Причину ихъ неблагодарности и богоотступничества самъ Богъ означаетъ тѣмъ, что они не познали Его. *Исаіи 1, 3:* Волъ знаетъ хозяина своего, и осель ясли господина своего; а Израиль не знаетъ, народъ Мой неразумѣетъ“.

Самопознаніе есть такое знакомство съ самимъ

собою, которое показываетъ, что мы и что дѣлаемъ, и чѣмъ должны быть и что дѣлать, чтобъ сдѣлаться благополучнымъ и полезнымъ въ этой жизни и блаженными въ будущей? Средства къ тому:—испытаніе (или экзаменъ) самаго себя; цѣль—самоуправленіе собою и довольство своимъ состояніемъ. Главное при этомъ состоитъ въ познаніи души своей, которое достигается при особенномъ вниманіи къ ея различнымъ силамъ, способностямъ, наклонностямъ, дѣйствіямъ, состоянію, страстямъ, счастію и темпераменту. Душа есть собственно человѣкъ, *Матѳ. XVI. 26*: „Какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу свою повредитъ? Или: какой выкупъ дастъ человѣкъ за душу свою?“ Тѣло только домъ, въ которомъ живетъ душа; тѣло орудіе, а душа художникъ, имъ управляющій.

Наука, составляющая предметъ нашего трактата, имѣетъ три особенныя свойства, которыми она отличается и превосходитъ другія. Во 1-хъ, *она для всѣхъ доступна*; она не требуетъ особеннаго напряженія памяти, ни силы генія, ни глубокой проницательности, какъ многія другія науки, для того, чтобы пріобрѣсти въ нихъ нѣкоторое познаніе, и это дѣлаетъ ихъ недоступными для многихъ. Она доступна и тѣмъ, которые не имѣютъ случая для надлежащаго указанія и руководства къ ея изученію, какъ это бываетъ съ нѣкоторыми другими науками. Всякой, съ обыкновенными способностями, имѣетъ и случай и удобство успѣть въ ней, если

только захочетъ собрать свои разсѣянные мысли, обратить ихъ на себя и наблюдать за движеніями сердца, чтобы сравнить ихъ съ ея руководствомъ. Во 2-хъ, *она равно важна для всѣхъ и въ высшей степени для каждаго въ особенности*. Прочія науки примѣняются къ разнымъ условіямъ жизни. Однѣ необходимы тому, другія другому, но эта принадлежитъ всѣмъ, имѣющимъ безсмертную душу, для которой они желаютъ и ищутъ блаженства. Въ 3-хъ, *прочія науки способны сдѣлать насъ тщеславными, а эта напротивъ производитъ въ насъ смиреніе*. Только при недостаткѣ самопознанія, человѣкъ гордится своимъ знаніемъ, которое кичитъ. 1. *Корин. VIII. 1*. „О идоложертвенныхъ яствахъ мы знаемъ, потому что мы всѣ имѣемъ знаніе; но знаніе надмеваетъ, а любовь назидаетъ“. У слабыхъ умовъ это случается и при малыхъ познаніяхъ. Отъ чего же это рѣже встрѣчается у людей съ большими талантами? Оттого, что взору ума предметъ ихъ науки открывается во всемъ доступномъ объемѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтается и хорошая доля самопознанія. Чѣмъ болѣе человѣкъ имѣетъ его, тѣмъ болѣе чувствуетъ недостатокъ своихъ знаній, и это дѣлаетъ его скромнѣе.

Теперь, любезный читатель, кто бы ты ни былъ, какое бы ни было твое званіе, если ты боишься заглянуть въ твое сердце и неимѣешь никакого желанія познакомиться съ самимъ собою, то оставь эту книгу и не читай далѣе; ты въ ней не найдешь

ничего, что бы польстило твоему самолюбію, а скорѣе то, что унижить тебя въ собственныхъ глазахъ твоихъ. Но если ты желаешь заняться этимъ важнымъ познаніемъ и неоставаться долѣе незнакомцемъ для самаго себя: то читай далѣе; останови взоръ на своемъ образѣ, въ какомъ бы неожиданномъ безобразіи онъ тебѣ ни представился, и терпѣливо подожди, пока я, съ Божіею помощію, постараюсь открыть тебѣ собственное твое сердце и въ слѣдующихъ главахъ поведу тебя къ истинному познанію самаго себя.

ГЛАВА II.

Различные вѣтви самопознанія. Мы должны знать: какого рода мы творенія и чѣмъ мы будемъ?

Чтобы яснѣе и въ порядкѣ обозрѣть нашъ предметъ, я долженъ разсмотрѣть здѣсь различные его вѣтви, или нѣкоторыя изъ главныхъ частей, входящихъ въ составъ его. Можетъ быть онъ представится намъ наукою, гораздо болѣе богатою содержаніемъ, нежели мы воображаемъ.

Познать себя есть „узнать и внимательно разсмотрѣть: какого рода мы творенія и чѣмъ быть должны“?

1. *Что мы?*

Человѣкъ есть тройственная личность (tripartita persna), существо, сложное изъ трехъ различныхъ частей: изъ *тѣла*, которое есть его земная и смертная часть, изъ *души*, которая есть его животная, или чувствующая часть, и *духа*, или ума: это его разумная и бессмертная часть. Каждая изъ этихъ частей имѣетъ свое особенное назначеніе, и человѣкъ правильно поступаетъ, если онъ дѣй-

ствуешь сообразно съ ихъ назначеніемъ и сохраняетъ между ними надлежащую подчиненность. Но недовольно того, чтобы сдѣлать изъ сего только предметъ для размышленія: нѣтъ; мы должны изслѣдовать и развить нашу мысль и войти въ соображеніе, имѣя цѣлю практическое самопознаніе.

Мы не одно тѣло, или животныя твари. Мы находимъ въ себѣ благороднѣйшую натуру, нежели неодушевленная и скотская часть творенія. Мы не только можемъ свободно двигаться и дѣйствовать, но примѣчаемъ въ себѣ способности къ размышленію, къ изученію, къ предположеніямъ и другимъ умственнымъ операціямъ, или дѣйствіямъ, чего въ неразумныхъ существахъ мы не видимъ. По этому душа наша гораздо превосходнѣе ихъ, и сила мысли, которою она одарена, доказываетъ, что она не матеріальное существо, а слѣдовательно, по самой натурѣ своей, способна къ безсмертію; а что она дѣйствительно безсмертна и никогда не умретъ, о томъ мы имѣемъ много свидѣтельствъ и въ священныхъ писаніяхъ. Итакъ, позволимъ себѣ внимательно сосредоточить свои мысли на слѣдующемъ монологѣ: „Посмотри, душа моя, за нѣскольکو лѣтъ назадъ; ты была ничто! Какъ же ты произошла изъ этого ничтожества? Сама собою ты не могла сего сдѣлать это совершенно невозможно! Вѣришь то, что всемогущая, самосущная, вѣчная Сила, создавшая сей міръ, создала и тебя, и изъ ничтожества призвала къ бытію, когда ты не существовала. Она дала тебѣ способности мыслить

и разсуждать, которыя ты теперь можешь употребить на изысканіе цѣли и блаженства твоей натуры. Она сдѣлала тебя разумною и безсмертною; она ввела тебя въ это тѣло, гдѣ ты теперь какъ въ темницѣ; твои способности стѣснены, твои желанія унижены, и твоя свобода потеряна. Она послала тебя въ сей міръ, который, по вѣмъ обстоятельствамъ, оказывается мѣстомъ кратковременнаго твоего воспитанія и испытанія. Для чего же она ввела тебя сюда, когда могла сдѣлать тебя болѣе свободнымъ, неограниченнымъ и счастливымъ духомъ?

„Остановись при этой мысли, которая болѣе подходитъ на дерзкое любопытство. Тебѣ нужнѣе и важнѣе узнать: для чего ты здѣсь и чего Она ожидаетъ отъ тебя, пока ты здѣсь? Какую часть дѣятельности предоставила она тебѣ въ продолженіи человѣческой жизни, гдѣ Она Сама и ангелы и люди смотрятъ на твое поведеніе? Конечно дѣло, порученное тебѣ здѣсь, должно быть очень важно; потому что относится къ вѣчности. И что же это? если не то, чтобы жить сообразно съ достоинствомъ твоей разумной и мыслящей натуры, какъ прилично существу, рожденному для безсмертія?

„Скажи мнѣ, душа моя; (я хочу ближе съ тобою познакомиться; до сихъ поръ я былъ чужой для тебя, а теперь хочу тебя испытать и предложить тебѣ нѣсколько рѣшительныхъ вопросовъ). — скажи, говорю я: неужели ты хочешь ограничиться только чувственными удовольствіями? но въ нихъ различаешься-ли ты отъ безсловесныхъ животныхъ? Порабо-

щенная тѣлесными побужденіями, не унижаешь ли ты себя своими дѣлами? Не должна ли ты стать выше существъ, созданныхъ тебѣ на служеніе, а не срамить себя и не унижать дѣло рукъ Творца твоего? Вспомни свое небесное происхожденіе! вспомни что ты духъ! Воспротивься похотямъ плоти и отвергни то, что можетъ уменьшить твое высокое происхожденіе и унижить твою благородную натуру! Но пойдемъ далѣе! Подумай, что ты бессмертный духъ! Твое тѣло умретъ, но ты должна жить вѣчно, и въ вѣчности получить опредѣленіе, сообразное съ твоимъ поведеніемъ и твоими привычками, которыя ты сдѣлала во время твоего краткаго товарищества съ плотію и кровью. О не дѣлай ничего, на что бы ты не могла оглянуться чрезъ миллионъ вѣковъ. Душа моя! твоя совѣсть и мыслящія способности не останутся при тѣлѣ, онѣ пойдутъ за тобою и по смерти, и, при этомъ разлученіи, будутъ для тебя орудіями несказанной радости, или мученія“.

Для полного знакомства самихъ съ собою, мы постараемся узнать не только: *что мы, но и чѣмъ быть должны?*

О, какъ скоро мы будемъ совсѣмъ другими, твореніями нежели каковы мы теперь! Посмотримъ же впередъ и будемъ чаще останавливать мысль свою на смерти, хотя мы и не можемъ проникнуть мрачности этого перехода и достигнуть до посмертнаго нашего состоянія. Оно сокрыто отъ очей ума нашего и Богъ не от-

крылъ его столько, сколько бы того желала душа для успокоенія своей боязни и безпокойства. По крайней мѣрѣ воспользуемся и малымъ свѣтомъ, какой св. Писаніе и разумъ проливаютъ на этотъ мрачный, но весьма важный предметъ.

„Собери твои мысли, душа моя, и представь: что будетъ съ тобою, когда ты, какъ духъ, съ полнымъ самосознаніемъ, войдешь въ незнакомый тебѣ духовный міръ, гдѣ ни одного матеріальнаго предмета не представится глазамъ твоимъ, и куда твой спутникъ, любимое теперь твое тѣло, и приблизиться не можетъ, но гдѣ ты, и безъ него, будешь живо ощущать или удовлетвореніе твоихъ благороднѣйшихъ желаній, или самыя мучительныя страданія. Въ ладѣ смерти твоя переправа будетъ мрачна; берегъ, къ которому она пристанетъ, для тебя чуждъ и не извѣстенъ“. *Я не знаю, что будетъ съ тобою?“*

Это откровеніе, которое Богу угодно было сдѣлать нѣкоторымъ по волѣ своей, скорѣе предназначено для того, чтобы приспособить насъ къ будущему блаженству и направить къ нему путь нашъ, нежели открыть намъ славу его, или ясно показать: въ чемъ состоитъ это блаженство. Оно остается тайною, чтобы удержать наше любопытство при изслѣдованіи его натуры и занять наши мысли болѣе вниманіемъ къ тому, что прямо до насъ касается, т. е. приготовленіемъ къ сему блаженству. А въ чемъ оно состоитъ, мы не можемъ не знать, если вѣримъ Библии и нашему разуму; потому что и

Библия и разумъ удостовѣряютъ насъ, „что единственно и только то, что дѣлаетъ насъ подобными Богу, можетъ сдѣлать насъ и способными наслаждаться Богомъ“. Здѣсь мы остановимся, и озаботимся наиболѣе тѣмъ, чтобъ „быть святыми, какъ Онъ святъ“ и въ Его свѣтѣ увидѣть свѣтъ. Тогда, какое бы ни было состояніе наше за гробомъ, мы будемъ тамъ счастливы, и гораздо счастливѣе, нежели то понять можемъ, хотя теперь и не можемъ представить себѣ этого состоянія, потому что Богъ не открылъ намъ его.

ГЛАВА III.

Объ отношеніяхъ нашихъ къ Богу, къ Господу нашему Іисусу Христу и къ подобнымъ намъ людямъ.

„Самопознаніе требуетъ, чтобы мы хорошо познакомились съ нашими отношеніями къ другимъ существамъ и съ происходящими изъ того обязанностями.

„Нашъ первый и главный долгъ разсмотрѣть: въ какомъ отношеніи находимся мы къ Тому, отъ Кого получили бытіе“.

Мы творенія рукъ Его и предметъ попеченій Его. Его сила содержитъ бытіе, данное намъ по Его благодати. Его щедроты надѣляютъ насъ благословеніями сей жизни и милость Его печется о нашемъ будущемъ блаженствѣ. Мы не только его творенія, но одарены разумомъ и разсудкомъ; и въ томъ состоитъ достоинство нашей природы, что мы можемъ познавать нашего Создателя и радоваться Имъ. Какъ разумныя существа, мы находимся въ двухъ особенныхъ отношеніяхъ къ Богу; частое размышленіе объ нихъ рѣшительно необходимо для истин-

наго самопознанія. Онъ, какъ Создатель нашъ, есть нашъ *Царь* и *Отецъ*; а мы, какъ творенія Его, Его *подданные* и *дѣти*.

(1) *Мы подданные царства Его* — и потому обязаны:

(1) *Съ искреннею покорностію повиноваться Его законамъ*. Многоразличны преимущества, по которымъ эти законы предлагаются намъ какъ высшіе всѣхъ человѣческихъ законовъ; они сообразны съ частною пользою каждаго и всѣхъ, и предназначены какъ для настоящаго, такъ и для будущаго нашего счастья. Они вполнѣ и подробно обнародованы всѣмъ, легко понятны и написаны ясными и разборчивыми буквами въ сердцѣ каждаго человѣка. Въ ихъ мудрость и необходимость легко вразумиться. Они изданы по самымъ сильнымъ побужденіямъ, какія только можетъ вмѣстить въ себѣ человѣческое сердце. Если нѣкоторые изъ нихъ и трудны для исполненія, то мощная сила благодати охотно предлагаетъ намъ свою помощь къ ихъ соблюденію. Человѣческіе законы не имѣютъ такихъ преимуществъ для подкрѣпленія насъ при ихъ соблюденіи.

(2) „*Какъ подданные*, мы должны охотно отдавать почтеніе Его Величеству, какъ жертву сердца, смиренно сознавая, что все имѣемъ отъ Него и чрезъ Него“. Земные государи удовлетворяются словеснымъ изъявленіемъ наружнаго почитанія, но Богъ, который знаетъ и видитъ сердца своихъ твореній, принимаетъ только сердечныя чувства. Онъ

требуетъ поклоненія отъ всей души, справедливо Ему принадлежащаго, какъ Создателю, давшему душѣ способность познавать Его и поклоняться Ему.

(3) „*Какъ вѣрные подданные*, мы должны охотно приносить ему дань, которой Онъ требуетъ отъ насъ“. Это не та дань, какую вынуждаютъ платить цари земные, и кака яналагается на подданныхъ за управленіе ими, а подданными вносятся за охраненіе ихъ самихъ и имущества. Дань, требуемая Богомъ, есть дань хвалы и чести, въ которой Онъ не имѣетъ нужды; ибо Онъ независимъ; слава Его неизмѣнна и Онъ безконечно могущественъ, чтобы поддерживать достоинство своего владычества надъ вселенною. Но это есть самый естественный долгъ, приносимый Ему, Его твореніями. Хвалить Его: есть только возвыщать славу Его; славословить Его: есть торжествовать Его славу: чтить Его: есть предъ всѣми людьми воздавать Ему и путямъ Его почитаніе. А какъ это самый естественный долгъ тварей къ Творцу своему, то Онъ и требуетъ его отъ каждаго изъ насъ по мѣрѣ данныхъ ему талантовъ и способностей.

(4) „*Какъ покорные подданные*, мы, безъ ропота должны покоряться уставамъ и образу Его правленія, хотя бы они были для насъ непроницаемы и необъяснимы“. Во всѣхъ правленіяхъ есть государственныя тайны, неизвѣстныя для простыхъ людей; потому они и не могутъ правильно судить о мудрости и справедливости нѣкоторыхъ общихъ мѣръ, и не знаютъ: отъ чего и для чего они предпри-

нимаются при особенныхъ обстоятельствахъ и соображеніяхъ. Тѣмъ болѣе это относится къ Божескому міроуправленію, котораго мудрость выше нашего понятія. Ибо *пути Его не какъ наши*. А потому, какими бы ни представлялись намъ настоящія событія, мы, какъ *покорные подданные*, обязаны соблюдать спокойствіе и положиться на мудрость и справедливость нашего Творца, съ увѣренностію, что Царь и Судія всей земли хочетъ всѣмъ воздать по правдѣ Его.

(5) „Какъ *добрые* подданные царства Божія, мы должны отдавать надлежащее уваженіе и почтеніе Его правителямъ“, особенно когда они служатъ Ему вѣрно и съ истинною ревностію къ Его чести, не столько для своихъ выгодъ, какъ это часто бываетъ съ министрами земныхъ владыкъ, но для чести своего Божественнаго учителя.

И какое было бы счастье, еслибы всѣ министры и посланники (т. е. священнодѣйствующие и проповѣдующіе) небеснаго Царя были безукоризненны! Весьма нерѣдко земные властители терпятъ пораженія въ лицѣ своихъ министровъ. Порицая и браня ихъ, косвеннымъ образомъ мѣтятъ на самаго властителя, какъ это и подразумѣвается. Такъ нѣкоторые, смѣясь вообще надъ служителями Евангелія, прямо обличаютъ тѣмъ свое развратное чувство предъ Богомъ и самою религіей; такіе поступки совсѣмъ неприличны *впрямь* подданнымъ Его царства.

„Наконецъ, какъ *добрые подданные*, мы должны

всѣми силами содѣйствовать благосостоянію Его царства“, защищая мудрость Его правленія и стараясь примирить съ Нимъ и другихъ, хотя бы многое въ немъ казалось имъ темнымъ и непонятнымъ; и такимъ образомъ противодѣйствовать невѣжественнымъ насмѣшкамъ счастливаго негодая, разясняя сомнѣнія и опасенія огорченнаго честнаго человѣка. Дѣйствуя такъ, мы сохранимъ характеръ честныхъ подданныхъ Царя небеснаго. Забывши этотъ долгъ нашего призванія и дѣйствуя иначе, мы покажемъ только великое незнаніе самихъ себя.

„Какъ творенія Божіи, мы не только подданные, но и *дѣти* Его“; а потому мы должны обратить все вниманіе на наши къ Нему отношенія и обязанности, если мы истинно желаемъ познать самихъ себя. При сотвореніи мы были дѣти Его и Онъ былъ истинно Отцемъ нашимъ. *Исаи XLIV. 8.* — „Господи! Ты и нынѣ Отецъ нашъ: мы глина. Ты скудельникъ, и всѣ мы дѣло рукъ Твоихъ“. И еще болѣе въ тѣсномъ смыслѣ мы дѣти Его по усыновленію. „Всѣ вы сыны Божіи по вѣрѣ во Христа Іисуса“. *Галат. III. 26.* Слѣдовательно: (1) наша высшая обязанность: любить Его какъ Отца. Любовь дѣтей къ родителямъ основана на благодарности за полученныя благодѣянія, которыхъ мы никогда не могли требовать, и потому должна быть соразмѣрна съ этими благодѣяніями, особенно, если проистекаетъ изъ сознанія нашего долга къ родителю. И какой долгъ естественнѣе того, какъ любить своихъ благодѣтелей? Какая же лю-

бовъ и благодарность должны быть къ Тому, отъ Кого мы получили величайшее изъ благодарѣній, именно: наше бытіе и все, что служить къ его удобствамъ?

(2) „Какъ *дѣти*, мы должны почитать Его“ т. е. говорить объ Немъ и предъ Нимъ съ глубокимъ почтеніемъ и тщательно избѣгать всего, что можетъ безчестить святое имя и пути Его. *Мал. 1, 6.* „Сынъ чтитъ Отца; если же Я отецъ, гдѣ же честь моя“?

(3) „Какъ *дѣти*, мы будемъ прибѣгать къ Отцу во всѣхъ нуждахъ нашихъ“. И къ кому же обратиться дѣтямъ, какъ не къ Отцу, когда имъ нужны покровительство, помощь и поддержка при всѣхъ опасностяхъ, затрудненіяхъ и бѣдахъ?

(4) „Мы должны быть увѣрены въ Его силѣ, мудрости и отеческой благодати: Онъ объ насъ промышляетъ и сохраняетъ насъ, дѣлаетъ все для нашего блага и лучше знаетъ, что намъ полезно“. — Бояться и со страхомъ ожидать того, что будетъ съ нами; — быть недовольными и смущенными въ ожиданіи могущаго случиться зла, тогда какъ мы въ рукахъ и подъ охраненіемъ нашего Отца небеснаго, прилично ли это дѣтямъ? Земные родители не могутъ отворать отъ дѣтей всѣхъ бѣдствій, имъ угрожающихъ, потому что ихъ сила и мудрость ограничены; но Всевѣдущій и всемогущій Отецъ нашъ можетъ это. Земные родители даже способны не имѣть любви и нѣжности къ дѣтямъ своимъ, но не таковъ Отецъ нашъ небесный.

Исаи XLIX. 15: „Забудеть ли женщина дитя свое, не пожалѣетъ ли о сынѣ чрева своего? Но хотя бы она и забыла; но Я не забуду тебя“.

„Какъ *дѣти*, мы съ полною довѣренностію должны предать себя въ Его распоряженіе, и не думать, что мы вполне можемъ видѣть всю премудрость Его воли“. Не прилично хорошимъ дѣтямъ спорить противъ власти своихъ родителей, отрицать ихъ разумъ, и не слушаться ихъ приказаній, хотя они и не всегда могутъ понять, почему и для чего они даны имъ. Тѣмъ болѣе такое поведеніе неблагоприятно и непростительно въ отношеніи къ Богу „Который не даетъ отчета въ своихъ дѣлахъ, коего суды непостижимы и пути неизслѣдимы. О бездна богатства, и премудрости, и вѣдѣнія Божія!“ *Рим. XI. 33.* Какъ не непостижимы судьбы Его, и неизслѣдимы пути Его!

„Наконецъ, какъ *дѣти*, мы терпѣливо должны подчиняться Его строгому порядку (дисциплинѣ) и наказаніямъ. Земные родители могутъ иногда наказывать дѣтей и пристрастно, но небесный Отецъ исправляетъ, или наказываетъ дѣтей своихъ для ихъ же пользы и никогда столько, сколько заслуживаютъ они по винѣ своей; *Евр. XII. 10.* Тѣ наказывали насъ по своему произволу для немногихъ дней; а Сей для пользы, чтобы намъ имѣть участіе въ Святости Его,“ только по нуждѣ. *1. Петра 1, 6, 7.* „О семъ радуйтесь, поскорѣе теперь не много, если нужно, отъ различныхъ искушеній; дабы испытанная вѣра ваша оказалась драгоценнѣе“.

нѣе гибнущаго, хотя и огнемъ испытаннаго золота, къ похвалѣ и чести и славѣ, въ явленіе Іисуса Христа“. 1. *Ездра IX. 13* И послѣ всего, постигшаго насъ за худыя дѣла наши и за великую вину нашу, — ибо Ты, Боже нашъ, пощадилъ насъ не по мѣрѣ беззаконія нашего, и далъ намъ такое избавленіе“. — А потому будемъ всегда со смиреніемъ покорны Его приговорамъ; это покажетъ наше истинно дѣтское расположеніе. Такъ должны мы поступать и вести себя въ отношеніи къ Богу, если хотимъ сохранить въ себѣ характеръ дѣтей Его.

Таковы два особенныя отношенія наши, какъ тварей, къ Богу. Дѣйствуя противно вышеизложенному, мы покажемъ только не знаніе ихъ, или то, что мы вовсе не размышляли о нашихъ обязанностяхъ къ Богу, какъ *подданныхъ* и *дѣтей*, или, до сихъ поръ, не имѣли и понятія ни о Богѣ, ни о самихъ себѣ. Здѣсь мы видимъ, что самопознаніе прямо ведетъ насъ къ познанію Бога, и очень вѣрно замѣтилъ одинъ, истинно благочестивый мужъ, сказавши, „тотъ кто чуждъ себѣ (не знаетъ себя), чуждъ и Бога и всего, за что могъ бы назваться мудрымъ и счастливымъ человѣкомъ“. Но для познанія себя, мы должны часто размышлять о весьма важномъ отношеніи нашемъ къ Іисусу Христу, какъ нашему Искупителю.

II) Сказанное выше относится къ намъ вообще какъ къ людямъ, но это какъ къ христіанамъ, и открываетъ намъ новое поприще долга и обязанностей,

которыхъ человѣкъ никогда не долженъ забывать, если не хочетъ явно забыть самого себя. Какъ христіане, мы ученики, послѣдователи и слуги Христа, насъ искупившаго.

„Какъ ученики Христовы, мы должны учиться у Него, и наши религіозныя чувства заимствовать только изъ Евангелія, а не отъ людей“. *Матв. 23, 8*. „Не называйтесь учителями на землѣ“. Если кто-то хочетъ отличиться особеннымъ именемъ, какъ Коринѳяне (за что ихъ упрекаетъ Апостоль) говоря: я Павловъ, я Аполлосовъ, я Петровъ, то вспомнимъ, что мы всѣ ученики Христовы и въ этомъ только смыслъ носимъ имя христіанъ. Дѣйствительно, было бы весьма несправедливо желать отличиться какимъ-нибудь другимъ именемъ. Въ такомъ раздѣленіи на секты, по названіямъ и привязанностямъ, есть нѣчто плотское, отъ чего многіе добродушные были предостерегаемы; да и самъ Апостоль Павелъ говоритъ: „мы же Христовы“. 1 *Корин. III, 4, 23*. „Ибо когда одинъ говоритъ: я Павловъ; а другой я Аполлосовъ; то не плотскіе ли вы? Вы же Христовы, а Христосъ Божій“. Нашъ долгъ чтить это высокое названіе, достигая его жизни, и неизмѣнно принадлежать Евангелію, какъ единому руководству для нашей жизни и основанію надежды нашей, хотя бы за то мы подверглись нареканію безбожныхъ, или суетвѣрныхъ людей.

Какъ христіане, мы *послѣдователи Христа*, и потому обязаны подражать Ему, принимая Его за высшій образецъ, намъ оставленный. Онъ оста-

вилъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его.
1 Петр. II. 21. „Ибо вы къ тому призваны, потому что и Христосъ пострадалъ за насъ, оставивъ намъ примѣръ, дабы мы шли по слѣдамъ Его,“ и наблюдали, чтобы тотъ же нравъ былъ и въ насъ, какъ въ Немъ и оказывался бы тѣмъ образомъ и при такихъ же случаяхъ, какъ у Него. Къ этому онъ призываетъ насъ, **Матѳ. XI. 29** „Возмите иго Мое на себя, и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ,“ и всякій постольку христіанинъ, поскольку онъ послѣдуетъ Христу, достигая совершеннѣйшаго сродства съ симъ высочайшимъ образцомъ, какой Онъ оставилъ намъ по своей всеобъемлющей благодати.

Какъ христіане, мы *рабы Христовы*, и разные дары, какіе рабы приносятъ господамъ въ нѣкоторой мѣрѣ, мы должны приносить Ему въ высшей степени. Онъ ожидаетъ, что мы будемъ служить Ему съ вѣрностію и усердіемъ, постоянно думая во всякое время о Его чести и пользѣ, къ чему мы вѣчно обязаны по нашему отношенію къ Нему и по незаслуженной и безпредѣльной Его благодати и любви къ намъ.

Наконецъ, сверхъ того, *какъ искупленные рабы*, мы тѣмъ сильнѣйшее имѣемъ побужденіе любить Его и быть Ему вѣрными.

Это заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія; потому что открываетъ намъ другой взглядъ на человѣческую природу, по которому мы должны на-

блюдать за собою, если хотимъ знать себя, именно то, что мы растлѣнные и переродившіяся существа. Внутренняя борьба между добрымъ и злымъ началомъ, какую въ нѣкоторыхъ *возрастахъ* особенно мы чувствуемъ къ себѣ, (въ св. писаніи она называется борьбою духа съ плотію) которую, кажется, знали и нѣкоторые мудрые изъ язычниковъ, доказываетъ, что человѣческая природа на томъ или на другомъ пути, сдѣлала ложный шагъ, (*Какъ это совершилось*, о томъ довольно сказано въ св. писаніи) и она уже не та, какою первоначально вышла изъ рукъ Создателя, такъ что слово Ап. Павла, сказанное объ Иудеяхъ, можетъ справедливо относиться и ко всему человечеству: „нѣтъ праведнаго, нѣтъ ни одного, всѣ совратились съ пути, всѣ вмѣстѣ сдѣлались непотребны, нѣтъ дѣлающаго добро, нѣтъ ни одного“. **Римл. III. 11, 12.** „Нѣтъ разумѣющаго; никто не ищетъ Бога; всѣ совратились съ пути, до одного негодны; нѣтъ дѣлающаго добро, нѣтъ ни одного.

Уничижительная мысль и неопровержимая истина! Она есть одна изъ первыхъ началъ предлагаемой нами науки и необходимо обратить на нее вниманіе, если мы хотимъ почувствовать нашъ долгъ и обязанности къ І. Христу, какъ нашему Искупителю, какимъ Онъ явился для спасенія человечества отъ всеобщаго развращенія.

Два бѣдственныя послѣдствія произошли отъ паденія человѣка. Превратныя расположенія растутъ въ насъ съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ и, скоро укореня-

ясь, превращаются въ дурныя привычки; онѣ дѣлаютъ насъ слабыми и неспособными повиноваться голосу совѣсти и ума; это обыкновенно называется *владычествомъ грѣха*. Въ тоже время мы дѣлаемся предметомъ неудовольствія Божія, и подвергаемся наказанію его законовъ, что обыкновенно называется *осужденіемъ грѣха*. Въ томъ и другомъ отношеніи Христосъ называется агнцемъ Божиимъ, вземлющимъ грѣхи міра. „Это значитъ, что Онъ пришелъ отнять власть у грѣха дѣйствіемъ благодати, осудить эту власть примиреніемъ въ Его крови, освятить насъ Духомъ Своимъ и оправдать Своею смертію. Благодатию Онъ примиряетъ насъ съ Богомъ, а кровію, — Бога съ нами, и дѣлается нашею правдою и силой. Онъ умеръ, чтобы возвратить намъ потерянное блаженство и посылаетъ благодать Духа, чтобы сдѣлать насъ способными къ этому блаженству. Такъ полно наше искупленіе, такъ спасительно предусмотрѣно и приспособлено его врачество къ нашей болѣзни. О, прелатій Искущитель бѣдныхъ, растлѣнныхъ тварей! Какъ непремѣнны обязанности, которыми я долженъ Тебѣ, и какъ я къ нимъ нечувствителенъ! Я вижу въ себѣ самый печальный признакъ поврежденія моей натуры: — это низкая благодарность сердца, которая дѣлаетъ меня нечувствительнымъ къ Твоему непостижимому состраданію ко мнѣ. Пока я не узнаю Тебя, я не могу узнать себя, а когда разсматриваю себя, то почему не всегда думаю о Тебѣ? Ежедневное созна-

ніе моихъ слабостей и грѣховъ да обратитъ къ Тебѣ мысли мои, и каждая мысль о Тебѣ да возжетъ въ сердцѣ моемъ пламеннѣйшую къ Тебѣ благодарность. О, Божественный, сострадательный другъ, любитель и Спаситель человѣчества“!

Но кто, называясь христіаниномъ и исповѣдая, что Евангеліе Христа есть Божественное откровеніе и единственный руководитель вѣры и практической жизни, въ то же время болѣе дорожить правилами людей, нежели ученіемъ Христовымъ; кто теряетъ изъ вида великій примѣръ Христа, которымъ долженъ одушевляться въ своихъ поступкахъ; кто не помышляетъ о служеніи Ему, о Его чести и пользѣ и исключаетъ Его заслуги и жертву изъ своей надежды и счастія: тотъ забылъ, что онъ христіанинъ и не размыслилъ, въ какомъ отношеніи находится ко Христу, а потому обличаетъ въ высшей степени незнаніе самого себя.

III. Далѣе, самопознаніе требуетъ надлежащаго вниманія къ различнымъ *отношеніямъ*, въ какихъ мы находимся *къ подобнымъ себѣ людямъ*, и какія изъ того происходятъ для насъ обязанности.

Если мы знаемъ себя, то не должны забывать снисходительности, благосклонности и любви къ низшимъ себѣ; пріязни, дружелюбія и благорасположенія къ равнымъ себѣ, и уваженія, вниманія и почтенія къ высшимъ, съ укоризненною честностію, благорасположеніемъ и доброжелательствомъ ко всѣмъ.

Трудно было бы исчислить все обязанности наши в этих отношениях, но довольно сказать, что кто не соблюдает благоприличия в жизни относительно других, тот конечно не знает себя.

Это такъ ясно само по себѣ и такъ принято всеми, что о человѣкѣ, не умѣющемъ обращаться съ высшими, обыкновенно говорятъ: онъ забывается. Но развѣ нельзя того же сказать и о человѣкѣ, дурно обращающемся съ низшими? Я знаю, почему это чаще примѣняется по отношенію къ высшимъ, но въ томъ и другомъ случаѣ оказывается одинаковое несоблюденіе приличія и незнаніе самаго себя. Вообще, люди скорѣе нарушаютъ свои обязанности въ поведеніи съ низшими, нежели съ высшими, и кажется потому, что отъ высшихъ боятся неудовольствія и худыхъ оттого послѣдствій; это останавливаетъ и заставляетъ отдавать имъ то уваженіе, какого они ожидаютъ. Но какъ подобной остановки нѣтъ со стороны низшихъ, то мы нисколько не боимся ихъ неудовольствія и, при извѣстныхъ случаяхъ, готовы обращаться съ ними самымъ неприличнымъ образомъ.

Но если благоразуміе и знаніе себя предписываютъ человѣку особенно стараться соблюдать обязанности относительно низшихъ, которыя онъ скорѣе способенъ забыть и пренебречь ими, то еще строже требуютъ отъ него исполненія этихъ обязанностей *религія* и *совѣсть*. Если кто самъ намѣ-

ренно этого не дѣлаетъ, но, не владѣя собою, позволяетъ себѣ увлечься строгостію, тиранствомъ и притѣсненіемъ тѣхъ, которыхъ Богъ и природа подчинили его власти, тотъ конечно не знаетъ себя, не знакомъ съ собственными слабостями, съ обязанностями своихъ отношеній, и, какъ бы онъ ни мечталъ о себѣ, онъ не имѣетъ надлежащаго дара правленія, потому что не можетъ управлять собою; а кто не умѣетъ управлять собою, тотъ никогда не будетъ способенъ управлять другими.

И такъ, для пріобрѣтенія самопознанія мы должны разсматривать себя какъ тварей, какъ христіанъ, какъ человѣковъ и не забывать обязанностей нашихъ къ Богу, Христу и нашимъ ближнимъ въ различныхъ къ нимъ отношеніяхъ, чтобы сохранить эти качества и исполнить нашъ долгъ.

ГЛАВА IV.

Мы должны понять тотъ санъ и состояніе, въ какомъ Провидѣнію угодно было насъ поставить и что ему прилично и служить украшеніемъ.

„Человѣкъ, познающій себя, хочетъ разумно рассмотреть и понять то особенное званіе и положеніе, въ какомъ Провидѣніе поставило его въ жизни. Что составляетъ долгъ и приличіе этого званія, что принадлежитъ его дѣятельности, какъ ему вести себя, и съ какимъ приличіемъ поддерживать свое достоинство и характеръ?“

Если человѣкъ берется не за свое дѣло, или дѣлаетъ себѣ цѣлю то, что выше его и до него не касается, то это будетъ аффектація, которая въ нѣкоторыхъ личностяхъ до того смѣшна, что дѣлаетъ ихъ предметомъ общаго презрѣнія и служитъ вѣрнымъ признакомъ незнанія самихъ себя. Отъ чего многіе охотно почитаютъ себя за что-то, будучи ничто, и хотятъ отличиться въ томъ, въ чемъ не могутъ, не заботясь о томъ, въ чемъ бы дѣйствительно могли отличиться? Отъ чего они

дѣйствуютъ вопреки назначенію природы и Провидѣнія, усиливаясь дѣлать совсѣмъ другое? Отъ чего? если не отъ незнанія себя и своего призванія въ жизни и того, что собственно имъ принадлежитъ?

Вотъ справедливое замѣчаніе и изрѣченіе нравственнаго язычника. „Жизнь человѣческая есть драма, а люди актеры, изъ которыхъ каждому назначена своя роль; дирижеръ стоитъ за сценою и наблюдаетъ, какъ кто ее разыгрываетъ. У иного роль маленькая, у другаго большая, у одного низкая, у другаго важная. Не тому аплодируютъ у кого главная роль, а тому, кто лучше играетъ свою, какая бы она ни была. Постараемся же каждый сыграть хорошо свою роль въ жизни, это отъ насъ зависитъ, а какую роль намъ дадутъ, это не отъ насъ, а отъ Бога“. Но человѣкъ никогда не сыграетъ хорошо своей роли, если онъ не пойметъ ее и не сообразитъ что ей прилично, а еще хуже, если онъ захочетъ играть не свою роль. Только незнаніе себя заставляетъ браться не за свое дѣло.

Если твое положеніе въ жизни средственное, и даже низкое, то знай, что Провидѣніе призвало тебя къ труду, къ довольству своимъ состояніемъ, къ покорности, терпѣнію, надеждѣ, къ смиренной зависимости и къ уваженію высшихъ тебя. Поступая такъ, ты будешь свѣтитъ и въ темной долѣ, сдѣлаешься любезнымъ Богу и людямъ, и найдешь больше довольства, спокойствія и радости въ себѣ,

нежели тѣ, которые дѣйствуютъ въ высшей сферѣ, откуда могутъ упасть.

Но если Провидѣніе призвало тебя дѣйствовать на государственномъ, или публичномъ поприщѣ, въ болѣе обширномъ кругу для пользы другихъ; тогда первое попеченіе должно быть о томъ, чтобы твой примѣръ, по мѣрѣ твоего вліянія, поощрялъ другихъ къ практически добродѣтельной общественной дѣятельности. Прежде всего покажи особенно тѣ высоко уважаемыя качества, которыя наиболѣе приличны твоему положенію, какъ-то: благосклонность, состраданіе, мудрость, умѣренность, твердость и неподкупное безкорыстіе, неустрашимое мужество къ преодолѣнію противниковъ (оппозиціи) для достиженія твоихъ намѣреній, какія ты имѣешь для видимой всѣмъ, общей пользы.

Знакомство съ самимъ собою научить: какую роль должны мы играть въ жизни, а знаніе этой роли покажетъ: кому мы въ ней должны подражать. Въ поведеніи своемъ мы не можемъ брать примѣра съ тѣхъ, кому назначена роль совершенно отличная отъ нашей, развѣ въ томъ только, что вообще признается изящнымъ и примѣрнымъ.

Если мы дѣйствуемъ такъ, то обнаруживаемъ аффектацію и слабость, а себя подвергаемъ презрѣнію, когда не выдерживаемъ своего характера; что прилично одному, будетъ смѣшно въ другомъ. Мы не должны также и слѣпо подражать дѣйствующимъ въ той же сферѣ, развѣ въ томъ, что

принадлежитъ характеру нашей роли, и смотрѣть не на лицо, а на характеръ его роли, подражая ему только въ томъ, въ чемъ оно ее выдерживаетъ.

Эта предосторожность въ особенности относится къ молодымъ людямъ, весьма готовымъ подражать высшимъ, особенно тѣмъ, которые превосходятъ другихъ на избранномъ ими поприщѣ. Но не умѣя различить, что прилично, или не прилично для нихъ, они готовы подражать и слабостямъ, которыя, по пристрастію къ личности, принимаютъ за превосходство, и отъ того дѣлаются вдвойнѣ смѣшными: во первыхъ тѣмъ, что дѣйствуютъ несообразно съ своимъ характеромъ, а во вторыхъ показываютъ слабость, подражая другимъ въ томъ, что они дѣлаютъ случайно, между прочимъ. И такъ, чтобы приличнымъ образомъ сохранить свой характеръ, мы должны внимательно смотрѣть только на то, что ему принадлежитъ.

Наконецъ, какъ ни одинъ человѣкъ не можетъ быть превосходнымъ во всемъ, то намъ надо разсудить: какая часть дѣятельности предназначена намъ въ томъ положеніи, въ какомъ мы поставлены Провидѣніемъ и оставаться при ней, какая бы она ни была, стараясь только въ ней отличиться.

ГЛАВА V.

Всякій долженъ хорошо познакомиться съ своимъ талантомъ и способностями, и съ тѣмъ, какъ лучше ихъ развить и усовершенствовать.

„Человѣкъ не можетъ сказать, что знаетъ себя, „если не познакомится съ своими талантами и способностями; пока не узнаетъ: на какой конецъ „они ему даны и, согласно съ тѣмъ, какъ лучше „ихъ развить и усовершенствовать“.

Благоразумный человѣкъ, понимающій себя, вмѣсто того, чтобы заботиться о приобрѣтеніи талантовъ, которыхъ не имѣетъ, старается воспользоваться тѣми, какіе ему даны, какъ указаніе Провидѣнія на путь, на которомъ онъ можетъ сдѣлаться полезнымъ.

Относительно устройства церкви Духъ св. прежде ниспослалъ на служителей ея различные дары духовные—для блага церкви. *1 Коринѳ. XII. 8—11.* „Одному дается Духомъ слово мудрости, другому слово знанія, тѣмъ же Духомъ; иному вѣра, тѣмъ же Духомъ; иному дары исцѣленій, тѣмъ же Ду-

хомъ; иному чудотворенія, иному пророчество, иному различеніе духовъ, иному разныя языки, иному истолкованіе языковъ. Все же сіе производитъ одинъ и тотъ же Духъ, раздѣляя каждому особо, какъ Ему угодно“. И нынѣ Богъ даетъ людямъ многоразличные естественные таланты, и всякій имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе; *1 Коринѳ. VII, 7.* „Ибо желаю, чтобы всѣ люди были, какъ и я; но каждый имѣетъ свое дарованіе отъ Бога, одинъ такъ, другой иначе,“ и всякій долженъ стараться „не пренебрегать, но възгрѣвать даръ Божій въ себѣ“. *1 Тимѳ. IV. 14.* „Не неради о пребывающемъ въ тебѣ дарованіи, которое дано тебѣ по пророчеству, съ возложеніемъ рукъ священства“. *11 Тим. 1 — 6.* „По сей причинѣ напоминаю тебѣ възгрѣвать даръ Божій, который въ тебѣ чрезъ мое рукоположеніе“. А какъ дарованія даны для усовершенствованія ихъ, то не только взыщется за злоупотребленіе, но и за самое небреженіе ими. Это свидѣтельствуется лѣнивый рабъ, „который завернулъ въ платокъ свой талантъ и пошелъ скрылъ его въ землю“. *Матѳ. XXV. 25—30. См. Лук. 19, 20.* „И убоясь, пошелъ скрылъ талантъ Твой въ землѣ:— вотъ Тебѣ Твое. Господинъ же сказалъ ему въ отвѣтъ: лукавый рабъ и лѣнивый! Ты зналъ, что Я жну, гдѣ не сѣялъ; и собираю—гдѣ не разсыпалъ. По сему надлежало тебѣ отдать серебро Мое торгующимъ; и Я, пришедъ, получилъ бы Мое съ прибылью. И такъ возьмите у него та-

лантъ, и дайте имѣющему десять талантъ. И всякому имѣющему дастся и приумножится; а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣлъ. А негоднаго раба выбросьте во тьму внѣшнюю; тамъ будетъ плачь и скрежетъ зубовъ. Сказавъ сіе Возгласилъ: кто имѣетъ уши слышать, да слышитъ!“

Вѣрный признакъ незнанія себя, когда человѣкъ хочетъ выйти изъ своей сферы, или предпринимаетъ что-нибудь, не имѣя удобнаго случая, или способности къ исполненію. Благоразумный, предположивши какое-нибудь важное дѣло, прежде сообразить: можетъ-ли онъ привести его въ исполненіе, и могутъ-ли послѣдствія оправдать его увѣренность въ успѣхъ, чтобы не пасть подъ тяжестью своего предпріятія и не подвергнуться упрекамъ въ поспѣшности, самонадѣянности и неблагоразуміи.

Луки XIV. 28 — 32. „Ибо кто изъ васъ, желая построить башню, не сядетъ прежде, и не вычислить издержекъ, имѣетъ ли онъ, что нужно для совершенія ея, дабы, когда положить основаніе, и не возможетъ совершить, всѣ видящіе не стали смѣяться надъ нимъ, говоря: этотъ человѣкъ началъ строить, и не могъ окончить? Или какой царь, идя на войну противъ другаго царя; не сядетъ, и не посовѣтуется прежде, силенъ ли онъ съ десятью тысячами противу-стать идущему на него съ двадцатью тысячами? Иначе; пока тотъ еще далеко, онъ пошлетъ къ нему посольство, просить о мирѣ“.

Нерѣдко мы видимъ, что человѣкъ, превосход-

ный въ одномъ дѣлѣ, вообразить себѣ, что онъ можетъ быть такимъ-же и во всемъ, и не довольный тѣмъ уваженіемъ, какое всякій отдаетъ ему, принимается не за свое дѣло. На что хорошій ораторъ хочетъ выставить себя и за поэта? Для чего знаменитый духовный выдаетъ себя за политика, или государственный человѣкъ за философа, или ремесленникъ за ученаго, или благоразумный человѣкъ старается прослыть острякомъ? Эта слабость происходитъ отъ незнанія себя; и не чужда даже великихъ людей. Природа рѣдко производитъ универсальныхъ геніевъ; въ настоящемъ нашемъ состояніи она раздѣляетъ свои дары очень бережливо. Многіе отъ такой слабости повредили своей репутаціи, справедливо ими заслуженной.

ГЛАВА VI.

Мы должны хорошо познакомиться съ нашими неспособностями и съ естественными недостатками, какъ и съ своими преимуществами.

„При самопознаніи, мы не только должны разсмотрѣть наши таланты и способности, но обратить вниманіе и на наши слабости и недостатки, чтобы знать причину: отъ чего происходятъ наша слабость и сила“; иначе, подобно Сампсону, мы можемъ подвергнуться многимъ искушеніямъ и бѣдамъ.

Всякій имѣетъ свою слабую сторону. Мудрый знаетъ отъ чего она происходитъ и съ усиленною заботою сторожить за нею.

Въ умѣньи скрыть свою слабость есть извѣстная доля благоразумія; но этого нельзя достигнуть, не узнавши ее, а узнать ее нельзя безъ извѣстной степени самопознанія.

Странно видѣть, какъ многіе стараются выказать себя во всемъ: объявляютъ свои глупости и выставляютъ публично на видъ всѣмъ такія черты въ своемъ характерѣ, которыхъ должно-бы сты-

диться. — Но это такъ. Многіе стыдятся того, что должно-бы составить ихъ славу, другіе напротивъ „полагаютъ свою славу въ срамъ“. *Филип. III. 19.* Ихъ конецъ погибель, ихъ богъ чрево, и слава ихъ въ срамъ; они мыслятъ о земномъ.

Величайшая слабость выказывать свои недостатки передъ другими; но тщеславіе часто и къ этому побуждаетъ человѣка, который, не зная мѣры своимъ способностямъ, берется за дѣло выше силъ своихъ, и тогда, во вредъ себѣ, знакомитъ людей съ своими недостатками и съ двумя слабыми сторонами, прежде неизвѣстными, именно: съ своею неспособностію къ дѣлу и съ своимъ незнаніемъ самого себя, чего онъ не разсмотрѣлъ какъ слѣпой.

Большая ошибка, хотя довольно общая, менѣе стыдиться нравственныхъ недостатковъ своего темперамента, нежели умственныхъ; потому что нельзя считать безчестнымъ, или порокомъ въ человѣкѣ, если у него нѣтъ большихъ умственныхъ способностей, лишь-бы онъ не почиталъ себя за генія. Это такъ же было-бы смѣшно, какъ еслибы слабый и маленькій ростомъ почиталъ себя за богатыря и великана. Человѣкъ во многомъ можетъ исправить недостатки своего природнаго темперамента, если хорошо съ нимъ познакомится и будетъ бдительно наблюдать за нимъ. А потому болѣе предосудительно выказывать главный недостатокъ своего темперамента, или необузданную страсть свою, нежели слабость въ пониманіи и сужденіи. Но всего безчестнѣе для человѣка выказывать свой великій

геній и вмѣстѣ непреодолимую страсть; потому что сила его разума и пониманія даетъ ему великое преимущество для управленія своими страстями; подчиняясь-же имъ, вмѣсто того чтобы владѣть ими, онъ показываетъ, что пренебрегъ, или употребилъ во зло свой природный талантъ и свободно подчинилъ себя тиранству такихъ похотей и страстей, надъ которыми, посредствомъ силъ, данныхъ природою, онъ могъ-бы одержать легкую побѣду.

И мудрый человѣкъ имѣетъ свои слабости такъ же, какъ и глупый, но между ними та разница, что слабости перваго извѣстны только ему и скрыты отъ людей; слабости-же другаго извѣстны людямъ, но не знакомы ему. Мудрый видитъ въ себѣ немощи, которыхъ другіе не видятъ, но глупый слѣпъ и не видитъ даже такихъ пятенъ въ своемъ характерѣ, которыя всѣмъ явны. Все это показываетъ, что только самопознаніе дѣлаетъ различіе между мудрымъ и глупымъ, принимая послѣднее слово въ нравственномъ его значеніи.

ГЛАВА VII.

О познаніи нашего природнаго грѣха.

„Самопознаніе показываетъ человѣку тѣ грѣхи, которымъ онъ наиболѣе подверженъ и преданъ, „и открываетъ не только то, что смѣшно, но что „и преступно въ его поведеніи и характерѣ“.

Внѣшнія дѣйствія человѣка вообще прямо указываютъ на его внутреннее расположеніе, и, по поступкамъ въ его жизни, вы можете узнать господствующіе въ душѣ его пороки. Если онъ преданъ разврату и сладострастію, то чувственность является его главнымъ искушеніемъ. Если онъ склоненъ къ мщенію и жестокости, то гнѣвъ и злоба господствуютъ въ его сердцѣ.—Если онъ самонадѣянъ, смѣлъ и предприимчивъ, то честолюбіе есть скрытый источникъ его дѣйствій. Если онъ хитръ, уклончивъ, преданъ интригамъ и притворству, то можете заключить, что къ этому побуждаетъ его природная хитрость. И это тайное расположеніе бываетъ преступнымъ по мѣрѣ про-

явленія его во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, переходящихъ за предѣлы разума и добродѣтели.

Всякій имѣетъ свой складъ ума, отличающій его отъ другихъ такъ же, какъ и наружное тѣлосложение; то и другое предрасполагаетъ и дѣлаетъ его склоннымъ болѣе къ тому или другому роду грѣховъ и бываетъ причиною, что исполненіе нѣкоторыхъ добродѣтелей для одного легче, нежели для другаго.

Грѣхи, къ которымъ люди вообще болѣе склонны, не имѣя довольно силы противиться ихъ искушенію, обыкновенно называются грѣхами *натуральнаго сложенія*, частными слабостями, а на языкѣ св. Писанія — „грѣхами тайными“. *Псал. XVIII. 13.* „Кто усмотритъ погрѣшности свои? Отъ тайныхъ моихъ очисти меня,“ „и запинаящими удобообстоятельными“. *Евр. XII. 1.* „Посему и мы, имѣя вокругъ себя такое облако свидѣтелей, свергнемъ съ себя всякое бремя и запинаящій насъ грѣхъ, съ терпѣніемъ будемъ проходить предлежащее намъ поприще“.

„Какъ во влажностяхъ тѣла, такъ и въ порокахъ „духа есть одинъ господствующій, который имѣетъ „надъ нами власть, водить и управляетъ нами. Онъ „въ тѣлѣ грѣховномъ то же, что сердце въ тѣлѣ „нашего состава. Онъ первый оживаетъ и послѣдній „умираетъ, и пока живетъ, сообщаетъ всему тѣлу „грѣха жизнь и духъ, когда же умираетъ, то съ „нимъ умираетъ и тѣло грѣха. — Это грѣхъ, къ „которому тѣлосложение предрасполагаетъ насъ, „обстоятельства соблазняютъ, а привычка дѣлаетъ

„насъ его рабами; это грѣхъ, предъ которымъ уни- „жаются не только наши высокія добродѣтели, но „подчиняются ему и самые пороки; — это тотъ грѣхъ, „который мы, думая обмануть Бога и совѣсть, стараемся всячески извинить, прикрывая его все- „возможными прикрасами и софизмами. Но еслибы „мы были искренни предъ Богомъ и совѣстію, то „прежде всего воспротивились бы ему и побѣди- „ли его. Однимъ словомъ, это грѣхъ невозрожден- „наго человѣка, въ которомъ онъ царствуетъ и дѣй- „ствуетъ, и (о! еслибъ я могъ этого не повторять) „часто смущаетъ и волнуетъ даже и возрож- „денныхъ“.

Одни болѣе склонны къ чувственнымъ грѣхамъ плоти: невоздержанію, нечистотѣ, лѣности, потворству себѣ и неумѣренности въ удовлетвореніи скотскихъ потребностей; другіе — къ грѣхамъ духа: гордости, зависти, гнѣву, злобѣ, мщенію и проч. Я увѣренъ, что не многіе знаютъ, который изъ этихъ пороковъ обыкновенно имѣетъ большую власть надъ ними, хотя и это, при испытаніи себя, могло бы открыться. Но если человѣкъ не знаетъ господствующаго въ немъ порока, то это знакъ, что онъ незнакомъ съ собою и всю жизнь провелъ внѣ дома, не зная въ себѣ того, о чемъ всякій бы ему сказалъ, проведя съ нимъ хоть полчаса времени. Отъ этого происходитъ наша слабость осуждать другихъ, именно за тѣ недостатки, которые существуютъ въ насъ, и еще въ высшей степени, за что и Апостоль Павель упрекаетъ. *Рим. II. 2.*

„Неизвинителенъ ты, всякій человекъ, судящій другаго; ибо тѣмъ же судомъ, какимъ судишь другаго осуждаешь себя, потому что, судя другаго, дѣлаешь то же.

Надо признаться, что болѣзненно и непріятно человеку обвинять себя, отыскивать въ себѣ пороки, и не сводить глазъ съ того, на который смотрѣть прискорбно и стыдно. Это тоже, что растравлять старую рану; но лучше рѣшиться на это, нежели умереть отъ нея. Ранъ совѣсти, какъ и ранъ тѣлесныхъ, нельзя излѣчить, не ощутивъ ихъ зондомъ до самой глубины, а это ощупываніе не обойдется безъ боли. Человекъ, занятый изученіемъ себя, долженъ быть доволенъ, если узнаетъ въ себѣ то, что въ немъ всего хуже.

И такъ не закрывай глазъ на свой любимый грѣхъ и не бойся открыть его. Для чего ты стараешься съ нимъ помириться, или извинять его и лелѣешь эту запазушную змѣю? „Многіе, говоритъ г. Бакстеръ, „обращаются съ своими грѣхами какъ нѣкоторыя „дамы съ лицомъ. Когда красота ихъ проходить, „они стараются скрыть это отъ себя фальшивымъ „зеркаломъ, а отъ другихъ румянами. Такъ многіе „стараются скрыть отъ себя свои грѣхи, смотря съ „въ фальшивое зеркало, а отъ другихъ скрываютъ „ихъ извиненіями, или ложными прикрасами“. Но они весьма обманываются. „Скрывающій нечестіе свое не успѣетъ въ добръ“. *Притч. XXVIII. 13.* „Скрывающій свои грѣхи, не успѣетъ въ добръ; но сознающій ихъ и исправляющійся, получить

милость и оправданіе“. Весьма опасное самообольщеніе: — давать скромныя и нѣжныя названія своимъ грѣхамъ, желая прикрыть ихъ настоящее свойство. Лучше положи руку на сердце и за пазуху, хотя бы ты вынулъ ее въ приказѣ какъ снѣгъ, какъ это было съ Моисеемъ.

Исхода IV. 6. „Еще сказалъ ему Господь: положи руку свою къ себѣ въ пазуху; и онъ положилъ руку свою въ пазуху. Вынулъ ее изъ за пазухи своей, и вотъ, рука его побѣлѣла отъ проказы, какъ снѣгъ“. А чтобы открыть любимый нашъ грѣхъ, рассмотримъ тѣ мірскія забавы, которыя доставляютъ намъ высшее наслажденіе; вѣроятно это прямо укажетъ на нашъ любимѣйшій грѣхъ. Не онъ ли и главный въ насъ? Разсмотримъ и тѣ обязанности, о которыхъ мы читаемъ, или слышимъ въ словѣ Божіемъ и отъ которыхъ мы наиболѣе уклоняемся. По всей вѣроятности, это поможетъ намъ открыть нѣкоторые особенные грѣхе небрежности при исполненіи обязанностей, чего, безъ предварительнаго испытанія, мы и не почувствуемъ въ себѣ. Изъ сказаннаго видно: какимъ образомъ мы можемъ сдѣлать успѣхи въ одной, весьма значительной, отрасли самопознанія.

ГЛАВА VIII.

Для самопознанія необходимо знать и тѣ опасныя искушенія, которымъ каждый изъ насъ особенно подверженъ.

„Человѣкъ, хорошо знающій себя, знакомъ и съ искушеніями, которымъ онъ особенно подверженъ, и знаетъ: когда и при какихъ обстоятельствахъ бываетъ для него большая опасность къ паденію“.

Читатель, если ты когда нибудь захочешь узнать себя, то тебѣ необходимо обратить на это все твое вниманіе, и если тебѣ до сихъ поръ не случалось подумать о томъ, то, прочтя эту главу, остановись и поразмысли объ ней. Разсмотри: въ какомъ обществѣ ты наиболѣе способенъ забыться и потерять власть надъ собою? При какихъ случаяхъ ты тщеславнѣе, неосторожнѣе и поспѣшнѣе? Бѣги отъ такого общества, удаляйся отъ подобныхъ случаевъ и ты сохранишь чистоту твоей совѣсти. Разсмотри, что отнимаетъ у тебя болѣе и времени и характера? Если ты хочешь обратить вниманіе на сбереженіе перваго и усовершенствованіе втораго, то сожалѣй объ ихъ потерѣ, избѣгая удобныхъ къ тому

случаевъ, и столь же заботливо удаляйся отъ нихъ, какъ отъ пути, занятаго разбойниками.

Особенно мы должны быть внимательнѣе къ тѣмъ случаямъ, при которыхъ скорѣе впадаемъ въ любимые пороки. Надо разсмотрѣть, откуда они происходятъ и при какихъ наиболѣе обстоятельствахъ? Безъ сомнѣнія, они происходятъ изъ нашего темперамента, который сильно къ нимъ располагаетъ и побуждаетъ. За зтою темпераментальною слабостію, или склонностію надо бдительно наблюдать, избѣгая, сколь возможно, случаевъ и обстоятельствъ къ искушенію. Самое надежное средство къ преодолѣнію такой слабости состоитъ въ томъ, чтобы, прежде всего, избѣгать случаевъ къ ея возбужденію, а потомъ преодолевать первыя ея движенія; тогда, не имѣя удобствъ къ удовлетворенію, она сама будетъ терять свою силу и не одержитъ обычной надъ нами побѣды.

Уклониться отъ непріятеля и стеречь его въ засадѣ иногда есть лучшее средство для побѣды надъ нимъ. Если *Фабій* счастливо употребилъ эту военную хитрость противъ Ганнибала, то христіанинъ можетъ ее употребить еще счастливѣе противъ своего главнаго порока, когда онъ также будетъ бдителенъ къ сохраненію своего выгоднаго положенія. Опасно съ неравными силами вызывать непріятеля на сраженіе, или бросаться въ такое положеніе, изъ котораго трудно надѣяться выйти не пораженнымъ.

Для самопознанія неизбѣжно важно знакомство

со всѣми случайностями къ грѣху и съ тѣмъ путемъ, по которому мы чаще къ нему стремимся. И разумъ, и совѣсть должны охранять пути, ведущіе къ пороку; однажды вступивъ на нихъ, трудно бываетъ обратиться назадъ!

Надо быть насторожѣ, особенно при началѣ искушенія; потому что легче побѣждается врагъ, когда мы не допускаемъ его войти въ дверь нашей мысли, и тотчасъ противостанемъ ему, какъ скоро онъ постучится за порогомъ. Нѣкто сказалъ:

Principiis obsta, sero medicina paratur, — cum mala per longas invaluere moras, (т. е. въ началѣ противустой; поздно лѣкарство готовить, когда запустили болѣзнь); „потому что въ мысли начинается прежде простой помысль, затѣмъ сильное воображеніе, наконецъ услажденіе и дурное движеніе, а тамъ и согласіе. Такъ, мало-по-малу, входитъ въ насъ врагъ, если мы не противимся ему въ началѣ; и чѣмъ долѣе медлимъ противустать ему, тѣмъ съ каждымъ днемъ становимся слабѣе, а врагъ нашъ сильнѣе“. *Θομα Кемпійск. Гл. XIII.*

У cadaго человека есть свои грѣхи, въ которые онъ чаще впадаетъ, и для cadaго есть и свои особенныя искушенія, которые легче его одолеваятъ, Что для одного служить великимъ искушеніемъ, то для другаго совсѣмъ нѣтъ. Если же кто вовсе не знаетъ, въ чемъ онъ болѣе подверженъ искушеніямъ, тотъ истинно не знакомъ съ опасностями своего положенія.

Хитрый врагъ старается постепенно вести лю-

дей въ грѣхъ, и постепенно вводить ихъ въ искушеніе. Онъ благовидно прикрываетъ грѣхъ, а также скрываетъ и искушенія къ нему, зная, что еслибы люди сдѣлались чувствительны къ опасностямъ грѣха, то тотчасъ были бы готовы остерегаться ихъ. Если мы хотимъ совершенно узнать себя, то должны познакомиться не только съ обыкновенными искушеніями, чтобы нечаянно не впасть въ грѣхъ, но и съ предварительными шагами и обстоятельствами, которыя ведутъ къ этимъ искушеніямъ, такъ, чтобы они неожиданно не привели насъ къ случаямъ грѣха: потому что и то, что вводитъ въ искушеніе, есть уже, само по себѣ, искушеніе, непосредственно вводящее насъ въ грѣхъ. Человѣкъ знающій себя, остерегается и этихъ отдаленныхъ искушеній такъ же, какъ и самыхъ близкихъ. Напр. если онъ находитъ, что сообщество развратнаго опасно (какъ Соломонъ говоритъ въ своихъ притчахъ *XXII. 24, 25*). „Не будь другомъ гнѣвливаго, и не сожительствуй съ жестокосерднымъ. Дабы не научиться тебѣ ходить по пути его, и не подвергать души своей случайнымъ паденіямъ,“ то онъ не только будетъ избѣгать его, но и случаевъ, которые могли бы съ нимъ сблизить. Молитва Господня налагаетъ на насъ обязанность быть насторожѣ противъ искушенія и нельзя отъ всего сердца молиться Богу „не введи насъ въ искушеніе“, если мы сами его не избѣгаемъ.

ГЛАВА IX.

Самопознаніе открываетъ тайныя предубѣжденія нашего сердца.

„Другую, важную вѣтвь самопознанія для человека составляетъ знакомство съ своими предразсудками и съ тайными предрасположеніями сердца, которыя, хотя весьма глубоко сокрыты, такъ, что совсѣмъ и не замѣтны, однакожь не рѣдко, выказываются съ такимъ упорствомъ и властію, что даютъ сильное, хотя и незамѣтное, направленіе уму“.

Это болѣе всего требуетъ великаго искусства въ самопознаніи. Какъ предметъ, имѣющій весьма важныя послѣдствія, на который вообще мы мало обращаемъ вниманія, онъ тѣмъ большаго заслуживаетъ разсмотрѣнія. Такія предубѣжденія относятся или къ *мыслимъ*, или къ *лицамъ*, или къ *дѣйствіямъ*.

Относительно *мыслимъ*, вотъ довольно общее, но весьма хорошее наблюденіе одного знаменитаго

мужа. „Мы родимся съ такими бѣдными начатками знанія, и растемъ подъ такими остатками суеты, горія и невѣжества, моды, приманокъ къ удовольствіямъ и пр., что нисколько не удивительно видѣть людей, дѣйствующихъ по одной только привычкѣ; и эти привычки, со временемъ, растутъ и укрѣпляются такъ, что заглушаютъ умъ подъ корою предразсудковъ, сквозь которую не скоро пробьется лучъ истины и свѣтъ разума“.

Нѣтъ человека, который бы, болѣе или менѣе, не придерживался особыхъ мнѣній въ философіи, политикѣ и религіи, если только онъ размышлялъ о нихъ. Теперь спрашивается: какимъ образомъ мы дѣлаемся въ такомъ случаѣ пристрастными? Отчего мы держимся извѣстныхъ понятій? Сами ли мы домыслились до нихъ, или подчинились мнѣніямъ другихъ, которымъ легко повѣрили прежде, нежели въ состояніи были обсудить ихъ? Последнее всего вѣроятнѣе; потому что впечатлѣнія, легко нами принятыя, росли вмѣстѣ съ нами, и съ ними-то менѣе всего мы стараемся разставаться. Но какимъ бы путемъ ни дошли мы до того, мы должны ихъ провѣрить и попробовать на оселкѣ здраваго смысла, чистаго разума и откровенія въ св. Писаніи. Если мнѣнія не выдержатъ этой пробы, то они не должны быть приняты за настоящія начала истины, а за поддѣльныя подъ нее.

А какъ разумъ и св. Писаніе должны открыть наши предразсудки, то они одни могутъ помочь намъ и освободиться отъ нихъ; ими должны мы

повѣрять и съ ними соображать всѣ наши мнѣнія и религіозныя чувства; это единственное наше знамя, высшее всѣхъ другихъ правилъ, всякаго свѣта и какихъ бы то ни было авторитетовъ.

При этомъ надо остеречься, чтобы не примѣнять и не приносить св. Писанія и чистаго разума къ принятымъ уже нами понятіямъ, что скорѣе можетъ укрѣпить въ насъ предразсудки, нежели избавить отъ нихъ. Поэтому, чего нельзя открыть ясно, безъ витіеватыхъ метафоръ и софизмовъ, то должно быть сомнительно, какъ сказалъ Тилотзонъ: *non amo argutias in Theologia*, т. е. не люблю я хитрыхъ тонкостей въ богословіи.

Человѣческій разумъ очень способенъ къ предубѣжденіямъ за или противъ нѣкоторыхъ *лицъ и мнѣній*, и тогда онъ, или совсѣмъ неблагоприятно отзывается объ ихъ мнѣніяхъ, или столь же неблагоприятно дѣйствуетъ противу лицъ,

Напримѣръ: почему не могу я освободиться отъ предубѣжденія, имѣя къ нѣкоторымъ лицамъ болѣе сердечнаго пристрастія, нежели къ другимъ? Происходитъ ли это отъ сходства вкусовъ и характера, или отъ ихъ обращенія, которое льститъ моему тщеславію, или отъ ихъ разумнаго и назидательнаго для меня разговора, или отъ любезнаго расположенія и пріятнаго обращенія, естественно привлекательныхъ, или отъ тѣхъ одолженій, какія намъ сдѣланы, или какихъ мы ожидаемъ; или отъ превосходныхъ и отличныхъ качествъ, или наконецъ отъ того, чего мы и сами не умѣемъ назвать?

Такого рода разсмотрѣніе можетъ показать, что наше къ нимъ уваженіе и пристрастіе, или вполне справедливо, или дѣлается просто по инстинкту, по слѣпому предубѣжденію, если не почему-либо худшему.

Съ другой стороны, при нашемъ расположеніи къ кому-нибудь, или даже отвращеніи, если мы хотимъ знать себя, то должны войти глубже въ основаніе этого и посмотрѣть: какая тому настоящая, а не предполагаемая только причина? справедлива ли она, и соразмѣрно ли съ нею наше отвращеніе? Оттого ли оно, что образъ мыслей, словъ и дѣйствій того, или другаго лица, совсѣмъ не сходны съ моимъ, и я не могу ихъ одобрить; или я дѣйствительно получилъ отъ него какую-нибудь непріятность? Если такъ, то мое постоянное нераположеніе къ нему. не происходитъ ли болѣе отъ моего неблагоприятнаго предубѣжденія, нежели отъ его недостатковъ?

Но во всѣхъ, упомянутыхъ выше, случаяхъ его образъ мыслей, разговоровъ и дѣйствій можетъ быть справедливѣе моего, а я только по обычаю и привычкѣ ставлю себя выше его? А еслибъ онъ и дѣйствительно былъ такъ неправъ, то, можетъ быть, онъ не имѣлъ тѣхъ способовъ къ образованію ума и приличія въ обращеніи, какія я имѣлъ, и въ такомъ случаѣ, его недостатки извинительны; а съ другой стороны, можетъ быть, онъ имѣетъ и такія превосходныя качества, какихъ я не имѣю?

„Но онъ не только что не образованъ и не утѣвъ,

„но нестерпимо тщеславенъ, много о себѣ думаетъ „и при томъ властолюбивъ“. Но если онъ таковъ, то, можетъ быть, это природный его недостатокъ; тогда онъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, нежели отвращенія. Еслибъ я самъ имѣлъ такой природный темпераментъ, то, при всемъ стараніи исправиться, можетъ быть, я нашелъ бы это весьма труднымъ: а потому, если я не хочу быть съ нимъ пріятелемъ, то для чего же мнѣ отъ него отвращаться и не любить его. тогда какъ мнѣ надо сожалѣть о немъ и съ любовію молиться, какъ о несчастномъ человѣкѣ, благодаря Бога, что у меня нѣтъ такихъ же недостатковъ. „Но онъ какъ бы „слѣпъ къ своимъ недостаткамъ и нисколько къ „нимъ не чувствителенъ“. Тѣмъ онъ несчастнѣе и потому заслуживаетъ еще большаго сожалѣнія.

Относительно прочихъ основаній моего предубѣжденія, напр. „такой-то часто оскорблялъ меня и дѣлалъ мнѣ непріятности“ я долженъ разсмотрѣть во 1-хъ), дѣйствительно ли онъ хотѣлъ меня оскорбить, или я долженъ приписать это его грубой натурѣ, которой свойственны дурные приемы, или это могло произойти отъ невѣжества? Притомъ, не оскорбилъ ли я самъ его напередъ? Въ такомъ случаѣ виноватъ я, а не онъ, и неудовольствіе мое долженъ обратить на самаго себя. Во 2-хъ), не вызвалъ ли я его къ этому, зная его нравъ? Тогда это моя ошибка; я зналъ, или могъ знать его тщеславіе, его страсть, или испорченность его натуры, зачѣмъ же я вывелъ его изъ себя?

Человѣкъ, который остротою своею раздражаетъ льва, не всегда долженъ ожидать что такъ же счастливо отъ него отдѣлается, какъ герой Ламанскій, (Донъ-Кихотъ).

Въ 3-хъ. Положимъ, что не ты напалъ на него; но спроси себя: какъ же ты очутился въ его сообществѣ? Что тебя къ тому побудило? Онъ поступилъ согласно съ своею натурою, а ты благоразумно ли поступилъ, сходясь съ нимъ такъ близко? Ты зналъ его; почему же ты не удалился отъ него какъ отъ опаснаго животнаго, которое дѣлаетъ вредъ по инстинкту? Если ты кладешь руку въ улей, то за что же бранишь, когда тебя ужалаетъ?

Въ 4-хъ. Спроси себя: если я не могъ избѣгнуть его сообщества, почему же я не вооружился и безъ обороны рѣшился на такую опасность? или

5-е. Положимъ, что онъ сдѣлалъ мнѣ незаслуженную обиду, безъ моей вины и повода, но теперешнее мое неудовольствіе не преувеличиваетъ ли ее? Не кажется ли она мнѣ больше, нежели въ глазахъ другихъ? Или: какъ я буду смотрѣть на нее, когда пройдетъ мое теперешнее неудовольствіе? А наконецъ: развѣ я не долженъ никогда прощать? Какъ же я прочту въ молитвѣ Господней: *и остави намъ долги наши* и проч., если я не хочу никому прощать? *Матѳ. VII. 14, 15.* „Ибо если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ; то проститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный. А если не будете прощать людямъ согрѣ-

шенія ихъ; то и Отецъ вашъ не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ“. Какъ могу я надѣяться, что мнѣ простятъ долгъ въ 10 тысячъ талантовъ, когда я не прощаю моему должнику и ста динаріевъ? *Матѳ. XVIII. 23—30.* „Царство небесное подобно Царю, который захотѣлъ сосчитать ся рабами своими. Когда началъ онъ считаться, приведенъ былъ къ нему нѣкто, должный ему десятью тысячами талантовъ. А какъ онъ не имѣлъ, чѣмъ заплатить; то государь его приказалъ продать его, и жену его, и дѣтей, и все, что онъ имѣлъ, и заплатить. Тогда рабъ палъ, и, кланяясь ему, говорилъ: государь! потерпи на мнѣ, и все тебѣ заплачу. Государь, умилосердясь надъ рабомъ тѣмъ, отпустилъ его, и долгъ простилъ ему. Рабъ же тотъ, вышедши, нашелъ одного изъ товарищей своихъ, который долженъ былъ ему сто динаріевъ, и, схвативъ его, душилъ, говоря: отдай мнѣ, чѣмъ долженъ. Тогда товарищъ его палъ къ ногамъ его, умолялъ его, и говорилъ: потерпи на мнѣ, и все отдамъ тебѣ. Но тотъ не захотѣлъ, а пошелъ, и посадилъ его въ темницу, пока не отдастъ долга“.—Притомъ я не знаю: можетъ быть, онъ раскаялся и Богъ простилъ его, а я самъ имѣю несравненно большую нужду въ прощеніи, нежели злѣйшій врагъ мой?

Такія размышленія весьма полезны и могутъ предохранить насъ отъ предубѣжденій въ отношеніи къ извѣстнымъ *лицамъ*, открыть ихъ источникъ и предупредить дурныя отъ того послѣд-

ствія. Весьма было бы хорошо, даже и для христіанина, припомнить и воспользоваться нѣкоторыми мыслями объ этомъ предметѣ философа, язычника Марка Антонина.

Мы способны имѣть предубѣженія не только къ лицамъ и ихъ мнѣніямъ, но даже въ пользу, или противъ нѣкоторыхъ *вещей* и *дѣйствій*.

Если вы находите въ себѣ особенное тайное нерасположеніе къ какому-нибудь дѣлу, или обязанности, и начинаете отыскивать какія-нибудь извиненія и причины къ нерадѣнію о нихъ, тогда посмотрите поглубже въ эту холодность къ дѣлу и поищите въ себѣ: чтò причиною этого нерасположенія? самое ли дѣло, или какія-нибудь обстоятельства, затрудняющія его, или возможность не-пріятныхъ послѣдствій, или предполагаемая на этотъ разъ неспособность ваша къ его исполненію? Все это не есть ли только воображаемыя причины? Но если, вслѣдствіе того, вы опускаете исполненіе прямой вашей обязанности и долга, то не показываетъ ли это, что вы болѣе руководствуетесь тѣмъ, что вамъ кажется, а не тѣмъ, что есть въ самомъ дѣлѣ, и — болѣе воображеніемъ, нежели разсудкомъ и совѣстію?

Но пусть воображеніе ваше допустить всѣ не-пріятныя обстоятельства и представить ихъ въ самыхъ черныхъ краскахъ, чтобы помѣшать исполнить долгъ свой! Напр. „Это очень трудно; я не „способенъ къ тому; и притомъ я теперь такъ „нерасположенъ заняться этимъ, что ничего не

„сдѣлаю; да это опасно и для моей личности, и для моей репутаціи, и для моего спокойствія; „при томъ же я встрѣчу сильную оппозицію и т. п.“ Но ясно ли при этомъ для васъ призваніе Провидѣнія? и предлагаемое дѣло не есть ли такой долгъ, отъ котораго не можетъ освободить васъ ни разумъ, ни совѣсть, ни св. Писаніе, ни званіе, ни характеръ, ни ваши личныя занятія? Если это такъ, то все, сказанное вами, суть пустыя и обманчивыя возраженія, и вамъ ничего другаго не остается дѣлать какъ ободриться и, съ помощію Божіею, немедленно приняться за дѣло серьезно, сколько позволятъ ваши силы ума и доброй воли.

Всѣ устрашающія васъ представленія только кажутся вамъ такими: это игра воображенія, представляющая ягнятъ волками и маленькіе холмы — горами. Только лѣнь, неблагоразуміе и сбереженіе себя такъ настраиваютъ ваше воображеніе, что пугаютъ васъ исполненіемъ своего долга. Сердце ваше обманываетъ васъ, но вырвитесь отъ обманщика и не поддавайтесь ему.

Представьте, что вы исполнили свое дѣло и посмотрите на него какъ на оконченное, и, какихъ бы трудовъ оно вамъ ни стоило, подумайте: развѣ оно не вполнѣ вознаграждаетъ васъ внутреннимъ миромъ и радостію за то, что вы добросовѣстно его исполнили? Конечно, вы это почувствуете, и настоящія трудности замѣнятся будущимъ довольствомъ. Съ другой стороны, подумайте хорошенько: еслибы вы не исполнили прямой и необходимой

обязанности вашей, развѣ бы это не принесло вамъ больше безпокойства, нежели сколько вы имѣли его при исполненіи своего долга?—Такъ благоразумный человѣкъ всегда опредѣляетъ свои дѣйствія, смотря на ихъ конецъ, и, при такомъ взглядѣ, видитъ напередъ: какъ они должны кончиться.

Съ другой стороны, если вы чувствуете въ себѣ особенное побужденіе къ какому-нибудь поступку, то рассмотрите его также безпристрастно. Можетъ быть ни разумъ, ни совѣсть ваша его не одобряютъ, между тѣмъ побужденіе къ нему весьма сильно, а всякое возраженіе противъ него слабо. Взволнованное чувство и желаніе готовы стремительно увлечь васъ къ тому, и разумъ напрасно противится. Но не отвергайте этого вѣрнаго друга и путевода, хотя онъ говоритъ вамъ тихо и кротко, но съ твердостію: „умоляю васъ, выслушайте мое послѣднее слово, вы рѣшаетесь на такое дѣйствіе, котораго я никогда не оправдаю. „Вы преувеличиваете воображаемое отъ него удовольствіе и конечно будете сожалѣть о немъ. Вы увлекаетесь обманчивою наружностію. Но что вы подумаете о себѣ, когда оно совершится, и вы серьезно о немъ поразмыслите? Повѣрьте, что тогда вы пожалѣете, что послушались не меня, „а враговъ моихъ: вашей похоти и страсти, такъ „часто уже вводившихъ васъ въ заблужденіе, чего, „какъ вы знаете, я никогда не дѣлалъ“.

Такія кроткія соображенія и нѣкоторая при-

вычка обращать вниманіе на свойства и послѣдствія нашихъ поступковъ и дѣйствій, прежде нежели мы ихъ одобрили, или отвергли, могутъ предупредить много ошибочныхъ сужденій и худыхъ поступковъ, и постепенно предохранять отъ предубѣжденій, укоренившихся въ насъ отъ воображенія, или отъ нѣкоторыхъ нашихъ дѣйствій. Это научить насъ различать существо вещей отъ того, какъ они намъ кажутся, срывать съ нихъ обманчивую наружность, отражать нападки воображенія и предавать себя руководству разума.

Прежде окончанія этой главы, я долженъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ самыхъ сильныхъ предубѣжденій происходятъ отъ нашего самоуваженія и слишкомъ высокой оцѣнки нашихъ чувствъ и понятій. *Самолубецъ* во всемъ показываетъ, что онъ очень доволенъ своею мудростію, и съ нетерпѣніемъ принимаетъ всякое противорѣчіе, отдаляясь отъ всѣхъ, кто бы захотѣлъ высказать ему противное мнѣніе. Онъ хочетъ лучше поддержать свою ошибку, нежели сознаться въ пей и измѣнить свое сужденіе, не думая о томъ, что, при такомъ упорствѣ, гораздо болѣе страдаютъ и его здравый смыслъ и доброе чувство. При этомъ самодовольствѣ онъ слѣпъ и не видитъ своего недостатка, тогда какъ всѣ его видятъ.—И какъ бы ни было благоразумно, искренно-дружественно и благородно ваше возраженіе, онъ припишетъ его, или вашему дурному свойству, или невѣжеству, но не своей ошибкѣ.

Я припоминаю одинъ разсказъ Сенеки, который поясняетъ то, о чемъ мы говоримъ: „Жена моя, пишетъ онъ, держитъ въ домѣ, какъ вы знаете, дурочку Гарпасту, которая у насъ какъ бы въ семействѣ, хотя я и не люблю такихъ уродовъ. Еслибъ я захотѣлъ когда-нибудь позабавиться надъ глупостію, то мнѣ не зачѣмъ ходить далеко: я посмѣялся бы надъ собою. Эта дурочка вдругъ потеряла зрѣніе и (хотя бъ это показалось невѣроятнымъ, но это точно такъ) не знаетъ того, что она ослѣпла, а все проситъ свою проводницу вывести ее изъ дома, потому что въ немъ темно. И вотъ, то, надъ чѣмъ мы смѣемся у этой несчастной, то же самое можемъ примѣнить къ себѣ. Никто не знаетъ, что онъ жаждетъ и ненасытимъ; различіе только въ томъ, что слѣпая ищетъ кого-нибудь, кто бы ее водилъ, а мы довольствуемся тѣмъ, что ходимъ безъ проводника. Но какъ же мы и обманываемъ себя! Болѣзнь не внѣ, а внутри насъ, и трудно ее вылѣчить, потому что мы и не подозреваемъ нашей болѣзни.“

ГЛАВА X.

О необходимости и средствах узнать свой природный темпераментъ.

„Другая, весьма важная вѣтвь самопознанія есть знаніе той господствующей страсти, или душевнаго расположенія, которая составляетъ, такъ-называемый, природный темпераментъ человѣка“.

Различіе природныхъ темпераментовъ, кажется, преимущественно зависитъ отъ степени того вліянія, какое имѣютъ различныя страсти на нашъ духъ. Напр. если страсти пылки и скоро возбуждаются, то мы говоримъ, что человѣкъ горячаго темперамента, или нрава: если медленны и оказываются не вдругъ, то онъ холоднаго темперамента; если въ комъ чаще видимъ гнѣвъ, злобу, или гордость, то онъ жестокаго, грубаго, или надменнаго темперамента; вліяніе тихихъ чувствъ любви, состраданія и благосклонности образуетъ кроткій, симпатичный и ласковый нравъ; а когда все страсти тихи и умѣренны и въ нихъ пре-

обладаютъ кротость и пріятность, то это составляетъ, какъ вообще говорится, темпераментъ, или нравъ спокойнаго и, по натурѣ своей, добраго человѣка.

И такъ, преобладаніе какой-нибудь особенной страсти образуетъ и составляетъ въ человѣкѣ отличный отъ другихъ темпераментъ, за который, или его любятъ и почитаютъ, или избѣгаютъ и презираютъ.

Теперь, что же это въ насъ такъ замѣтно для другихъ? Близкіе къ намъ это видятъ насквозь, знаютъ недостатокъ нашего темперамента и примѣняются къ нему въ обращеніи съ нами. Благоразумные и хорошо воспитанные избѣгаютъ дотронуться до этой струны, отъ которой нечего другаго и ожидать, кромѣ несозвучія. Если же они не любятъ насъ, то съ намѣреніемъ будутъ ударять по этой струнѣ, чтобы вывести насъ изъ самихъ себя. Даже самые друзья наши прикасаются къ ней нѣжно, или въ шутку, или съ благонамѣренною осторожностію. Но человѣкъ долженъ быть очень незнакомъ съ собою, когда не знаетъ главной своей страсти, или отличающаго его темперамента, тогда какъ всякій это замѣчаетъ. Впрочемъ такое незнаніе весьма обыкновенно. Это показали даже два апостола: Іаковъ и Іоаннъ, думая доказать ревность и любовь къ своему учителю, но Онъ сказалъ имъ: „*незнате, какого вы духа*“. Луки IX. 55: „Но Онъ, обратившись къ нимъ, запретилъ имъ, и сказалъ: не

знаете, какого вы духа“ потому что, вмѣсто настоящей любви и ревности, они, въ ту минуту, были возбуждены духомъ гордости, мщенія и жестокости. А если и апостоль Іоаннъ, котораго нравъ былъ весь кротость и любовь, подвергся такому замѣчанію, то это служить доказательствомъ, какъ трудно человѣку, во всякое время, знать: какой въ немъ духъ; и какъ страсть, по-видимому, менѣе всего имѣющая надъ нимъ власти, при извѣстныхъ случаяхъ, нечувствительно и преступно имъ овладѣваетъ.

Намъ необходимо знать свою господствующую страсть, потому что она не только даетъ главный оттѣнокъ нашему нраву и нашимъ понятіямъ, но дѣлаетъ большой перевѣсъ и при нашихъ сужденіяхъ. Она то же производитъ во взорѣ ума, что какой нибудь недостатокъ въ глазу: если вы не избавитесь отъ него, то онъ застилаетъ зрѣніе, и человѣкъ видитъ все въ ложномъ свѣтѣ и судитъ неправильно о предметахъ; что дѣлается источникомъ предубѣжденій, которыя такъ часто во зло употребляютъ нашъ разумъ.

Зависитъ ли это отъ различныхъ страстей, господствующихъ въ душѣ нашей, или отъ тѣлеснаго сложенія, или отъ разныхъ движеній животныхъ наклонностей, или отъ природнаго свойства самой души, но то несомнѣнно, что различное направленіе нашего мышленія весьма согласуется съ господствующими страстями, особенно относительно религіозныхъ чувствъ. Такъ напр. мы

видимъ, что меланхолическіе люди способны слишкомъ мрачно смотрѣть на религію и представлять ее въ самомъ непривлекательномъ и нелюбезномъ видѣ, съ одними строгостями и умерщвленіями тѣлесными; если же въ нихъ господствуютъ болѣе живыя и веселыя страсти, то они вдаются въ противную сторону и чувственные удовольствія смѣшиваютъ съ религіозными ощущеніями. Одни многое себѣ попускаютъ, а другіе слишкомъ строги къ себѣ и такимъ образомъ, при своихъ предубѣжденіяхъ, или перевѣсѣ страстей и силъ темперамента, они переходятъ за предѣлы той или другой стороны.

„Если кто хочетъ узнать себя, тотъ долженъ изучить свой природный темпераментъ, наклонности своего сложенія и любимыя страсти, потому что отъ нихъ, чаще всего, мы судимъ превратно, и они дѣлаютъ перевѣсъ надъ нашимъ умомъ. Это растворенныя двери, которыми, совсѣмъ непримѣтно и безъ всякаго съ нашей стороны вниманія, мы допускаемъ въ себя тысячи заблужденій и тайныхъ пороковъ“ *Аддисоновъ Spectator* № 899.

А чтобы лучше узнать наши главные страсти, то рассмотримъ: какія внѣшнія обстоятельства и какимъ образомъ производятъ на насъ сильныя впечатлѣнія? Что насъ наиболѣе огорчаетъ, или радуетъ? Относительно огорченій, конечно стоикъ можетъ сказать: „мы ничего не должны допускать въ себя, что дѣлается внѣ насъ; пусть внѣшнее остается внѣшнимъ“. Но человѣческая природа

едва ли можетъ принять такое строгое, философское начало. Мы знаемъ, что все внѣшнее на насъ дѣйствуетъ и возбуждаетъ наши чувства: да въ этомъ нѣтъ и бѣды, если только оно не овладѣваетъ нами, не подчиняетъ себѣ нашего ума и не ведетъ къ поступкамъ, недостойнымъ человека и христианина. Изъ этого правила можемъ извлечь только ту пользу, чтобы внѣшнія обстоятельства, смотря по степени и силѣ ихъ впечатлѣнія, могли приводить насъ къ большому самопознанію, открывая нашу слабую сторону и тѣ страсти, которыя имѣютъ надъ нами особенную силу.

Удовольствія также показываютъ наши главные пристрастія, нашъ настоящій темпераментъ и расположение души. Если нами обладаетъ удовольствіе во грѣхѣ, то это знакъ, что мы испорчены и порочны, если — чувственность, то мы пошлы и грязны; если намъ нравятся романическія сцены и воображаемыя пріятности, то это показываетъ, что мы любимъ заниматься пустяками. Но если намъ доставляетъ удовольствіе наука, усовершенствованіе разумныхъ способностей, то это знакъ, что въ насъ раскрытъ болѣе благородный и утонченный вкусъ. Если предпочтительнѣе всего мы находимъ наслажденіе въ религіозномъ и благочестивомъ созерцаніи, то это знакъ, что у человека открылся истинный, приличный ему, вкусъ и его нравъ, какъ и должно быть, дѣлается чище, благочестивѣе и небеснѣе. Источникъ этого наслажденія происходитъ изъ истиннаго религіознаго

чувства, чуждаго предубѣжденій, ханжества и фанатизма, которыя часто только прикрываются имъ.

Такимъ образомъ, при тщательномъ наблюденіи за тѣмъ, что насъ болѣе огорчаетъ, или возмущаетъ и что доставляетъ наибольшее удовольствіе и занятіе, мы можемъ узнать господствующую въ насъ страсть и преобладающія въ насъ темпераментальныя склонности.

И такъ, душа моя! войди въ обитель твоего сердца; она не пространна, но глубока, и ты найдешь въ ней довольно для тебя занятій! Ты никогда не будешь въ состояніи изслѣдовать глубину его, она извѣстна только Тому, кто испытываетъ наши внутреннѣйшія помышленія. Испытай себя, — и ты увидишь, что то, что въ тебѣ происходитъ, гораздо для тебя нужнѣе знать, нежели все, что дѣлается въ мірѣ. — Не занимайся враждами и ссорами общественными и частными; лучше обрати вниманіе на борьбу между плотію и духомъ, между закономъ твоего тѣлеснаго состава и умомъ. Примиряй эту вражду; учись подчинять себѣ плоть; отдай разуму его тронъ, а благочестіе дай ему въ совѣтника. Укроти страсти и подчини ихъ рабскому состоянію. Приведи въ порядокъ твое маленькое царство и управляй съ мудростію безчисленными его обитателями, то есть: множествомъ твоихъ чувствъ, мыслей и страстей твоего сердца.

ГЛАВА XI.

О тайныхъ источникахъ нашихъ дѣйствій.

„Другая, весьма значительная вѣтвь самопознанія состоитъ въ знаніи истинныхъ побужденій и источниковъ нашихъ дѣйствій“.

Это знаніе нерѣдко приобрѣтается съ великими усилиями, но безъ него мы часто подвергаемся опасности ложно судить о своихъ дѣйствіяхъ и ошибочно думать о нѣкоторыхъ изъ нашихъ поступковъ.

Не только возможное, но для многихъ весьма обыкновенное дѣло не знать главныхъ побужденій своего поведенія, и думать, что они дѣйствуютъ по такимъ-то побужденіямъ, тогда какъ ими, видимо, управляютъ совсѣмъ другія. Если мы внимательно провѣримъ наши намѣренія и глубже проникнемъ въ наше сердце, то найдемъ, что мы весьма часто бываемъ обмануты ими, когда они увѣряютъ, что мы дѣйствуемъ съ лучшимъ намѣреніемъ, нежели каково оно на самомъ дѣлѣ. Такъ, наружно мы показываемъ и признаемъ, что дѣйствуемъ для чести Божіей и пользы религіи,

тогда какъ подъ этимъ скрываются наши временныя выгоды и тайное тщеславіе. Думая служить Богу, мы иногда служимъ только мамону. Какъ Іиуй 4 Царствъ X. 13, 14. „Встрѣтилъ Іиуй братьевъ Охозіи, царя Іудейскаго, и сказалъ: кто вы? Они сказали: мы братья Охозіи, идемъ узнать о здоровьѣ сыновей царя и сыновей государыни. И сказалъ онъ: возьмите ихъ живыхъ. И взяли ихъ живыхъ, и закололи ихъ — сорокъ два человека, при колодезѣ Бео-Екада, и не осталось изъ нихъ ни одного,“ мы хвалимся ревностію къ Господу, тогда какъ одушевляемся огнемъ природныхъ страстей, прикрывая благочестивою личиною духъ властолюбія и даемъ наставленія другимъ для того только, чтобы высказать наше къ нимъ нерасположеніе.

Многіе ходятъ въ церковь только по обычаю, или изъ любопытства, а хотятъ, чтобы другимъ это казалось за благочестіе. По наружности, они дѣлаютъ это, какъ бы для служенія Богу и спасенія души, а тайное, внутреннее побужденіе то, чтобы ихъ замѣтили съ хорошей стороны и не почли бы за людей странныхъ, или, чтобы тѣмъ предупредить выговоръ. Щедрость и раздача милостыни не рѣдко происходятъ отъ тщеславія и духа сектъ, хотя и могутъ казаться дѣйствіемъ чистаго благочестія и христіанской любви, или дѣломъ дружелюбія, а не самости. При такой благовидности нашихъ побужденій, мы не только можемъ приобрѣтать уваженіе въ глазахъ другихъ,

но даже и въ своихъ собственныхъ; и въ то время какъ обманываемъ другихъ, собственное сердце обманываетъ насъ самихъ; а изъ всѣхъ возможныхъ обмановъ, самообольщеніе всего опаснѣе, потому что мы его и не подозреваемъ въ себѣ.

Мы хотя и близко разсмотрѣли здѣсь предметъ нашъ, но онъ такъ глубокъ, что мы никогда не дойдемъ до его дна, и не взирая на то, что пришли къ источнику настоящихъ побужденій нашихъ дѣйствій, мы никогда не будемъ въ состояніи вѣрно судить о нихъ. Въ нашихъ глазахъ и глазахъ всего міра они будутъ казаться не тѣмъ, чѣмъ предъ взоромъ Божиимъ, потому что суды Божіи не какъ суды человѣческіе: человѣкъ судитъ по наружности, а Богъ взираетъ на сердце *1 Царствъ XVI, 7.* „Но Господь сказалъ Самуилу: не смотри на видъ его и на высоту роста его; Я отринулъ его; Я смотрю не такъ, какъ смотритъ человѣкъ; ибо человѣкъ смотритъ на лице, а Господь смотритъ на сердце“. Оттого, тѣ, что высоко въ глазахъ людей, часто бываетъ мерзостью предъ очами Божиими *Луки XVI, 15.* „Онъ сказалъ имъ: вы выказываете себя праведниками предъ людьми; но Богъ знаетъ сердца ваши: ибо что высоко у людей, то мерзость предъ Богомъ“. Всякій путь человѣка прямъ въ глазахъ его, но Богъ испытуетъ сердца. *Притчи Сол. XXI, 2.* „Всякій человѣкъ выказываетъ дѣла свои праведными, но Богъ испытуетъ сердца“.

ГЛАВА VII.

Кто знаетъ себя, тотъ очень чувствуетъ, какъ сильно въ немъ желаніе похвалы.

„Человѣку, для открытія своего сердца самому себѣ, необходимо разсмотрѣть свое славолубіе и то, какими путями онъ полагаетъ удовлетворить эту страсть“.

Страсть эта бываетъ такъ тонка и имѣетъ нерѣдко такое непримѣтное вліяніе на наше поведеніе, что совершенное знакомство съ нею составляетъ существенную часть самопознанія, и потому требуетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Соревнованіе, какъ и другія человѣческія страсти въ иныхъ оказывается яснѣе и сильнѣе, нежели въ другихъ. Оно само по себѣ невинно и вложено въ природу нашу съ мудрою цѣлію. Оно способно возбуждать къ прекраснымъ дѣйствіямъ, если будетъ сохранено въ надлежащихъ предѣлахъ и порядкѣ, безъ чего можетъ обратиться въ мелочное и преступное честолюбіе.

Если человѣкъ чувствуетъ въ себѣ побужденіе къ полезной дѣятельности, или къ истинно доброму и благородному дѣлу, преслѣдуетъ это намѣреніе съ чистою ревностію, безъ задней мысли, или коварства, то это знакъ благородной души. Здѣсь

желаніе одобренія не можетъ быть преступно; потому что поощряетъ человѣка трудиться и сдѣлать свое дѣло лучше, нежели безъ такого побужденія. Можетъ быть, мы не имѣли бы многихъ геніальныхъ и возвысившихся надъ другими, благородныхъ умовъ, отличившихся изобрѣтеніями и талантами, еслибъ они тайно и даже непримѣтно, не возбуждались къ тому славолубіемъ.

Но съ другой стороны, если человѣкъ добивается похвалы людской, не смотря на то, стоитъ ли онъ того, или нѣтъ; если ищетъ популярности и славы, не разбирая средствъ для достиженія ихъ; если честолюбіе побуждаетъ его перейти предѣлы своихъ способностей и браться за дѣло выше силъ, прибѣгать къ ничтожнымъ хитростямъ и притворству, чтобы только составить себѣ имя, и тайнымъ, непрямымъ путемъ получить нѣсколько льстивыхъ похвалъ, не смотря даже, кто ихъ подноситъ ему какъ пріятное куреніе: тогда эта страсть превращается въ такъ-называемое тщеславіе. Если же она возбуждаетъ человѣка къ неправильнымъ дѣйствіямъ, такъ что онъ готовъ пожертвовать уваженіемъ всѣхъ благоразумныхъ и честныхъ людей, предпочитая имъ шумное одобреніе увлеченной толпы, и когда честолюбіе переходитъ за предѣлы приличія и истины, нарушая обязанности чести и добродѣтели: тогда это уже не только тщеславіе, но порокъ, вредный для спокойствія и счастія общественнаго, который болѣе другихъ былъ причиною разрушенія и опустошенія между народами.

Мы привели здѣсь примѣръ различія между общимъ мнѣніемъ и истиною. Порокъ, превозносящійся зломъ и бѣдствіями, принимается за добродѣтель. Недостойные имени добродѣтельныхъ увѣнчиваются лаврами, даже отъ тѣхъ, кого они раззорили; и эти лавровые вѣнки, по общему согласію, сохраняются для нихъ и въ позднѣйшихъ вѣкахъ. Отзывъ Сенеки объ Александрѣ конечно болѣе похожъ на истину, нежели общее о немъ мнѣніе. „Онъ называетъ его скорѣе палачемъ, чѣмъ героемъ, который, стараясь быть ужасомъ человѣчества, достигъ до такой знаменитости, какая скорѣе принадлежитъ самымъ страшнымъ и ненавистнымъ звѣрямъ“.

И конечно, такіе ложные герои, совершенно не зная самихъ себя, ищутъ пріобрѣтеній и славы, истребляя человѣчскій родъ, и, при такомъ ложномъ честолюбіи, навлекаютъ на себя позоръ и проклятіе народовъ вмѣсто безсмертной славы, за которою гонялись воображая что они ея достигли. Это согласно и съ словами пророка. *Аввак. II, 9, 10*: „Горе тому, кто ищетъ прибытка худаго своему дому, чтобы поставить на высотѣ гнѣздо свое, чтобы защитить себя отъ рукъ бѣды. Безславіе дому своему ты готовилъ, поражая многочисленные народы, и грѣшилъ самъ противъ себя“.

И такъ, человѣкъ до тѣхъ поръ истинно не узнаетъ себя, пока не познакомится съ тайнымъ, и часто непримѣтнымъ, источникомъ своихъ дѣйствій

и не замѣтитъ, какую власть и вліяніе имѣетъ это на его слова и поступки.

Чтобы исправить беспорядочность и увлеченія этой страсти, рассмотримъ, какое тщетное и порочное удовольствіе доставляетъ она при самыхъ своихъ успѣхахъ. Возбуждая въ другихъ зависть, она нерѣдко подвергаетъ насъ жестокимъ мученіямъ, а иногда и униженію! Какъ часто, при излишней запальчивости, мы теряемъ изъ вида цѣль свою; потому что добродѣтель и истинное превосходство не скрываются отъ свѣта, но и не поднимаются на крыльяхъ честолюбія, которое, превозносясь, подвергается бѣдственному паденію. Мы теряемъ и то прочное удовольствіе, какое доставляетъ намъ совѣсть наша, вмѣсто криковъ одобренія невѣжественной и несправедливой толпы, которая судить по внѣшности и не можетъ знать настоящаго нашего характера. Благоразумный человекъ скорѣе пренебрегаетъ одобреніемъ толпы, нежели гоняется за нимъ. „Разсмотри свойства плебейскаго чувства и степень его понятій, и ты никогда не будешь искать популярности, и бояться его неодобреній, или заботиться о томъ, какъ будутъ судить о тебѣ тѣ, которые не умѣютъ правильно судить и о самихъ себѣ“. *Марк. Антон.* кн. XI. § 16.

ГЛАВА XIII.

Какія знанія мы приобрѣли и въ какой степени ихъ уважаемъ?

„Человѣкъ никогда не узнаетъ себя надлежащимъ образомъ, если не обратитъ вниманія на свои познанія о другихъ предметахъ“.

Мы должны рассмотретьъ приобретенныя нами познанія: не слишкомъ ли высоко мы ихъ цѣнимъ, и за то, не слишкомъ ли много думаемъ о себѣ? На что онѣ дѣйствительно намъ полезны и какое имѣютъ на насъ вліяніе? Не дѣлаютъ ли они насъ холодными, необщительными, взыскательными, своеправными и гордыми, съ презрѣніемъ другихъ, которыхъ почитаемъ за невѣждъ? Если такъ, то какія бы ни были наши познанія, они дѣлаютъ намъ болѣе зла, чѣмъ добра. Лучше бы остаться безъ нихъ, потому что, даже при самомъ невѣжествѣ, мы были бы менѣе смѣшны. Въ такомъ положеніи, со всею нашею ученостію, мы покажемъ только, что не знаемъ себя.

„Тотъ конечно гордится своимъ знаніемъ, кто презираетъ другаго за его незнаніе“.

Многимъ хочется, чтобъ ихъ почитали за знающихъ болѣе, нежели сколько это есть на дѣлѣ, и выдавать себя за ученыхъ. Они во всякомъ обществѣ стараются выставить себя такъ, чтобъ затмить другихъ; но довольно два, или три раза поговорить съ ними, чтобы они вполне высказались, и вы скорѣе ихъ узнаете, нежели какъ предполагали. Потокъ учености, который они такъ щедро разливаютъ, скорѣе приведетъ васъ въ недоумѣніе, нежели удовлетворить. Они видимо имѣли въ цѣли не столько вразумить васъ, сколько выказать себя. Вы бы хотѣли обо многомъ ихъ спросить, или сдѣлать замѣчаніе, но они, съ своею говорливостію, не дадутъ вамъ вымолвить слова, и недостатокъ здраваго смысла у нихъ вамъ кажется такъ ярко, что скромный человѣкъ замолчитъ. Но если вы настаиваете на вашемъ правѣ изслѣдовать вопросъ глубже, тогда они отвернутся отъ васъ въ замѣшательствѣ, или съ двумысленными отвѣтами. Такъ рыба *Scutta* оставляетъ за собою большое количество черной влаги, чтобъ не видно было ее преслѣдовать. Понятно, откуда происходитъ эта слабость, и самопознаніе могло бы скоро ее исправить.

Какъ нѣкоторые не ученые стараются показаться болѣе знающими, нежели каковы дѣйствительно: такъ есть люди, которые изъ тщеславія притворяются, будто ничего не знаютъ и, чтобъ показаться предъ другими болѣе глубокомысленными и проницательными, они настаиваютъ на томъ, что въ наукѣ нѣтъ ничего положительно вѣрнаго, и

даже отвергаютъ первыя основанія, не принимая ничего за достовѣрное и прямо впадая въ пирронизмъ: обыкновенное слѣдствіе весьма отвлеченныхъ и тонкихъ споровъ.

Всякій способенъ придавать большую цѣну тому знанію, къ которому онъ почитаетъ себя превосходнѣе другихъ и, сравнительно, ставить прочія знанія ниже своихъ. Но при этомъ необходимо имѣть надлежащій масштабъ для опредѣленія ихъ достоинства. Мы примемъ слѣдующій: „то знаніе лучше и имѣетъ болѣшую цѣну, которое служить для лучшихъ цѣлей, т. е. которое дѣлаетъ человека мудрымъ и лучшимъ, или болѣе пріятнымъ и полезнымъ какъ для себя, такъ и для другихъ“. Знаніе есть только средство для этой цѣли; обо всѣхъ же средствахъ можно судить по ихъ цѣли и по легкости, съ какою они содѣйствуютъ къ ея достиженію, такъ что лучшее знаніе то, которое прямо ведетъ человека къ лучшей цѣли, т. е. къ истинному счастью его самого и другихъ, а послѣднею цѣлію всего неперемѣнно должна быть слава Божія.

Если теперь мы будемъ судить о всѣхъ знаніяхъ по этому масштабу, то найдемъ въ первыхъ, что нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно вредны и пагубны и стремятся къ извращенію истиннаго знанія, къ разрушенію нашего счастья, и дѣлаются вредными для общественной жизни. Таково опытное знаніе порока, разныхъ къ нему искушеній и тайныхъ путей къ его исполненію; въ особенности умѣнье притворяться, обманывать и быть безчестнымъ,

плутомъ. Вовторыхъ: другія знанія оказываются бесполезными, хотя приобрѣтеніе ихъ стоило большаго труда и времени, чего они сами не стоятъ и служатъ только для забавы, или чтобы занять воображеніе. Таковы напр. знаніе игръ, новостей и т. п., въ которыхъ человѣкъ можетъ быть хорошимъ критикомъ и экспертомъ, но отнюдь не сдѣлается оттого мудрымъ и полезнымъ. Въ третьихъ: есть знанія полезныя только въ извѣстномъ отношеніи и болѣе для одного, нежели для другаго. Напр. усовершенствованіе въ какомъ нибудь мастерствѣ, или искусствѣ, отъ котораго зависитъ и кредитъ, и благосостояніе труженика, и общепользность дѣла. А какъ такое знаніе цѣнится по его цѣли, то его надо болѣе совершенствовать и уважать по достоинству. Наконецъ есть знанія положительно для всѣхъ добрыя и полезныя, таковы: познаніе Бога и самихъ себя, познаніе свойствъ нашего конечнаго счастья и путей къ нему. Это для всѣхъ равно необходимо. И какъ мы счастливы,—мы, которые живемъ при свѣтѣ Евангелія,—что имѣемъ средства и способы достигъ до этого полезнѣйшаго и самаго необходимаго познанія.

Человѣкъ ни какъ не пойметъ себя, пока не сдѣлаетъ справедливой оцѣнки своихъ познаній и не взвѣситъ: какое изъ нихъ лучше и достойно всей его дѣятельности? какъ высоко онъ цѣнитъ его? какое оно дѣлаетъ ему пользу и какое производитъ на него вліяніе? что въ немъ есть лучшаго? и какой конецъ его въ настоящемъ и въ будущемъ?

Ничто такъ не показываетъ незнанія человѣка о самомъ себѣ, какъ его уваженіе къ своимъ познаніямъ, а чрезъ то и къ самому себѣ. Справедливо говорятъ, что чѣмъ пустѣе сосудъ, тѣмъ больше стуку. Чѣмъ у кого меньше знаній, тѣмъ склоннѣе онъ выставлать ихъ на показъ и приписывать себѣ бѣльшее значеніе. Это особенно замѣтно въ самонадѣянныхъ молодыхъ людяхъ, въ недозрѣлыхъ академическихъ, или студентахъ, или тѣхъ, которые, не учась въ молодости, стараются въ послѣдствіи вознаградить это чтеніемъ, безъ вкуса и здраваго сужденія, а только для пополненія свѣдѣній, чтобы казаться учившимися, и знать обо всемъ настолько, чтобы мѣшаться въ разговоры, не дѣлаясь отъ того ни умнѣе, ни полезнѣе ни для себя, ни для другихъ. Это дѣлаетъ насъ смѣшными.

Есть еще одно знаніе, которое вообще называется ложнымъ, хотя его и не причимаютъ за такое; потому что оно является подъ личиною истиннаго знанія, но собственно хуже всякаго невѣжества. Многіе, многому учились и употребляли на то большую часть трудовъ своихъ, а потому ставятъ себя очень высоко въ этомъ отношеніи; но они должны переучиваться, прежде нежели сдѣлаются истинно мудрыми. Они истратили много времени, трудовъ и терпѣнія на то, чтобы, собирать вмѣстѣ, утверждать другъ друга въ ложныхъ понятіяхъ, которыя приняли за основаніе истиннаго знанія. Но если попробовать его

на упомянутомъ масштабѣ, какъ на оселкѣ т.-е. „имѣло ли оно въ цѣли сдѣлать человека благо-разумнѣе и лучше, или полезнѣе и благотѣльнѣе для другихъ“, тогда вы увидите, что это знаніе ничего не стоитъ.

Берегитесь такого знанія; и хотя человекъ держится за него съ великимъ упорствомъ, но ничто не дѣлаетъ его столько пустымъ, отвращая отъ самоиспытанія. Во всѣхъ вещахъ люди основываются больше на своихъ ложныхъ понятіяхъ.

Ап. Павелъ часто, весьма поразительно говоритъ о самодовольствѣ такихъ людей. „Если кто думаетъ быть мудрымъ, тотъ прежде будь безумнымъ, чтобы сдѣлаться мудрымъ“, *1. Кор. III. 18.* „Кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ еще ничего не знаетъ такъ, какъ знать должно“. *1. Кор. VIII. 2.* „Но кто почитаетъ себя чѣмънибудь, будучи ничто, тотъ обольщаетъ самъ себя“. *Гал. VII, 3.* „Желая быть законоучителями, не разумѣютъ ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что доказываютъ“. *1. Тим. I. 7.* „Васъ нужно учить первымъ началамъ мудрости“. *Кз Евр. V. 12.* „Ибо судя по времени, вамъ надлежало быть учителями; но васъ снова нужно учить первымъ началамъ Слова Божія; и для васъ нужно молоко, а не твердая пища“.

ГЛАВА XIV.

Познаніе и наблюденіе мыслей и управленіе ими.

„Другая часть самопознанія состоитъ въ надлежащемъ знакомствѣ съ собственными нашими мыслями и дѣйствіями воображенія“.

Хорошее управленіе мыслями требуетъ не малаго искусства, бдѣнія и рѣшимости; это столь важный предметъ для спокойствія и совершенствованія души, что онъ стоитъ того, чтобы надъ нимъ потрудиться. Человекъ, которому надо управлять такимъ многочисленнымъ и беспокойнымъ семействомъ, каково семейство нашихъ мыслей, столь способныхъ быть подъ вліяніемъ и правленіемъ страстей и вождѣленій, не долженъ на долго быть внѣ дома. — Иначе, подъ присмотромъ такихъ сорванцевъ, мысли тотчасъ сдѣлаются своевольны, беспорядочны, и страсти поднимутъ такой крикъ и раздоръ отъ малѣйшаго повода, что трудно вообразить болѣе страшной сцены бѣдствія, какая произойдетъ при этой схваткѣ и бунтѣ: — когда уязвленная совѣсть и воспламененныя страсти

останутся безъ узды и надзора. Объятый пламенемъ городъ, или перепившійся экипажъ корабля, гдѣ матросы убили капитана и начали рѣзать другъ друга, были бы слабымъ тому подобіемъ. Не легко представить себѣ терзаній духа при такомъ возстаніи и безпощадномъ разбоѣ страстей. Самый мстительный человѣкъ не можетъ пожелать большаго зла врагу своему.

О сколь же важно для человѣка сторожить за своими мыслями, чтобы хорошо управлять ими и замѣчать: какія изъ нихъ къ намъ доступны? какъ онѣ въ насъ вкрадываются и при какихъ случаяхъ?

Въ своихъ частныхъ размышленіяхъ, мудрый язычникъ предписываетъ себѣ прекрасное правило: „Располагай твоими дѣйствіями и мыслями такъ, какъ бы ты готовился оставить міръ.“ Или, въ другомъ мѣстѣ говорить онъ: „человѣкъ рѣдко, и никогда не бываетъ несчастливъ отъ того, что не знаетъ чужихъ мыслей; но какъ онъ жалокъ, когда не знаетъ своихъ побужденій.“ *Марк. Антон. кн. II §§ 11—8.*

Потому я нахожу предметъ этотъ достойнымъ того, чтобы нѣсколько подробнѣе разсмотрѣть его и изслѣдовать во первыхъ: какого рода мыслей не должно допускать въ себя и отвергать ихъ, и, во-вторыхъ, какія удерживать и питать въ сердцѣ.

I. Иныя мысли должно тотчасъ отгонять, когда онѣ появятся, и если онѣ насъ возмущаютъ, то езопаснѣе всего запирать имъ входъ въ себя, и

избѣгать случаевъ, при которыхъ онѣ обыкновенно возбуждаются. Гораздо легче не допустить въ духъ свой дурную мысль, нежели выгнать ее, когда она вошла въ него. Особенно же:

1) „Берегитесь всѣхъ гнѣвныхъ и недовольныхъ мыслей, которыя только раздражаютъ и уязвляютъ душу безъ всякой пользы.“ — Хранить ихъ въ себѣ, значитъ вредить себѣ болѣе, нежели сколько бы это могъ сдѣлать врагъ нашъ. „Кротость ваша да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкамъ“—это долгъ и обязанность христіанина. *Филип. VI. 5.*

2) „Не допускайте въ себя мыслей боязни и опасеній.“—Многіе, смущаясь страхомъ и ожиданіемъ приближающейся опасности, или какого-нибудь несчастнаго случая, преждевременно преувеличиваютъ свое бѣдствіе и, прежде нежели оно постигло, подвергаются ему изъ страха гораздо болѣе, нежели когда бы оно дѣйствительно сбылось. Это общая слабость, которой можно противупоставить слѣдующія размышленія. — „Все что случается съ нами, конечно, бываетъ по волѣ премудраго Промысла; если онъ велитъ мнѣ испытать и перенести то, что Богомъ назначено, то я долженъ принять это съ покорностію христіанина. Сколько разъ мое робкое сердце и прежде преувеличивало мои бѣды, при ихъ приближеніи, и онѣ казались мнѣ гораздо ужаснѣе, нежели какими были въ самомъ дѣлѣ! Ихъ страшный видъ былъ только хитростію сильнаго врага моего, старавшагося отвлечь меня отъ исполненія моей

обязанности и ввести меня въ грѣхъ. Для чего же я буду мучить себя безъ всякой причины? Если Богу угодно будетъ наслать на меня скорбь и горе, то зачѣмъ мнѣ впадать въ нихъ прежде, нежели онѣ наступили;—это будетъ уже моя вина; при томъ же я могу преувеличить мои горести и прибавить къ нимъ такую тягость, которая сверхъ мѣры, назначенной мнѣ Провидѣніемъ.“

3) Оставь, сколь возможно скорѣе, всякую мысль вражды и мщенія. Она какъ ракъ и язва изроетъ твою душу и расположить ее къ самому худшему состоянію, какое только можетъ быть, т.-е. къ злобѣ и мщенію. Гнѣвъ можетъ вспыхнуть и въ сердцѣ мудраго, но остается только въ нѣдрахъ безумнаго. *Еклез. VII. 9.* „Постарайся, сколь возможно, извинить оскорбившаго тебя: посмотри на его природный темпераментъ и перемени гнѣвъ на милость“. *Коринѣ. VIII. 1.* „Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю; то я мѣдъ звенящая, или калеваль звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познание, и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви; то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое, и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю; нѣтъ мнѣ въ томъ ни какой пользы.—Любовь долготерпитъ; милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится, не гордится. Не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла. Не радуется

неправдѣ, а сорадуется истинѣ. Все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ, хотя пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится. Ибо мы отчасти знаемъ, и отчасти пророчествуемъ; когда же настанетъ совершенное, тогда то, что отчасти прекратится. Когда я былъ младенецъ, то по младенчески говорилъ, по младенчески мыслить, по младенчески рассуждалъ; а какъ сталъ мужемъ, то оставилъ младенческое. Теперь мы видимъ какъ бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицомъ къ лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно какъ я позналъ. А теперь пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше“. Повтори *XIII* гл. 1-го посланія къ Коринѣянамъ о любви; подумай о кротости и снисхожденіи Спасителя и прошеніи въ молитвѣ Господней, и какую нужду ты самъ имѣешь въ прошеніи отъ Бога и людей. Какъ бесплодна и глупа продолжительная неприязнь, и сколько она тревожитъ тебя самого! Ты слишкомъ добръ, чтобы охотно мучить другихъ: для чего же ты мучишь самого себя? Намъ велѣно любить ближняго, какъ самого себя, но не запрещено и себя любить какъ ближняго: для чего же ты дѣлаешь себѣ такой вредъ, какой могъ бы сдѣлать тебѣ только врагъ твой?—Преимущественно:

4) Изгоняй изъ себя злобныя и мстительныя мысли! Духъ мщенія есть истинно духъ діавольскій! Онъ болѣе всего дѣлаетъ насъ ему подоб-

ными, и ничто такъ не противно духу христіанскому, который мы должны въ себѣ усиливать. И теперь когда мщеніе еще не исполнено, но оно уже мучить тебя, а когда исполнится, ты еще болѣе будешь мучиться. Нѣтъ больше мучителя, какъ злой и мстительный человѣкъ, который ядъ свой изливаетъ на самого себя.

5) Выкинь изъ ума всѣ пустыя, мелочныя и неприличныя лѣтамъ мысли, которыя иногда приходятъ, сами не знаемъ какъ, и охватываютъ и занимаютъ его пустыми забавами, не доставляя ни удовольствія, ни пользы, и рѣшительно ни къ чему не служатъ, а только отнимаютъ время и мѣшаютъ уму употреблять себя на что-нибудь лучшее. И дѣйствительно, почти все равно: проспимъ ли мы наше время, или наяву проведемъ его какъ бы въ сонныхъ грезахъ. Если нечувствительно вкравшіяся мысли и не совсемъ глупы и странны, но непристойны и несвоевременны, то ихъ надо выгнать, чтобъ не мѣшали лучшимъ.

6) Выкинь изъ головы всѣ дикія и несбыточныя, всѣ пустыя фантастическія мечты воображенія: не попускай мыслямъ своимъ заниматься вещами невозможными, или несбыточными, и восхищаться проектами, которыхъ нѣтъ никакой надежды исполнить; или напрасно беспокоиться о томъ, чего нѣтъ причины тебѣ бояться. Гдѣ есть истина, чистая совѣсть и здравый разсудокъ, тамъ нѣтъ бѣднѣшаго блага, какъ правильное и хорошо управляемое воображеніе. Тогда ты будешь ви-

дѣть вещи, какъ онѣ есть, въ ихъ настоящемъ образѣ и цвѣтѣ, и отличишь ложныя мечты воображенія отъ истинныхъ и разумныхъ представлений. Оттого весьма часто бываетъ, что люди, прежде нежели сами это примѣтятъ, смѣшиваютъ разумъ съ воображеніемъ, а истину съ мечтами. Отраженіе животнаго огня они принимаютъ за истинный свѣтъ, и думаютъ, что видятъ вещи какъ онѣ есть, тогда какъ только воображаютъ ихъ такими, и именно потому, что хотятъ ихъ видѣть такими, — справедливо ли то, или нѣтъ. Они не сознаютъ, что мечты воображенія, какъ блуждающіе огоньки (*ignis fatuus*) кажутся тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ болѣе темноты въ умѣ; и кто пойдетъ за ними, тотъ навѣрное заблудится. Къ такимъ мыслямъ очень близки:

7) „Мысли *романическія* и *химерныя*.“ Подъ ними я разумѣю тотъ дикій огонь, который, вспыхнувъ въ животной натурѣ, вдругъ отражается въ мысляхъ и возбуждаетъ образы столь нелѣпые и смѣшные, что человѣкъ не можетъ самъ надивиться, какъ они могли придти ему въ голову. Эти случайные порывы воображенія скоро проходятъ и тѣмъ отличаются отъ воздушныхъ замковъ мечтательности, о которыхъ мы говорили выше, что этими мы продолжительнѣе забавляемся, а тѣ такъ несвязны и бессмысленны, что не могутъ продолжаться; однакожь это самыя худшія вспышки и самыя быстрыя мечты воображенія, какія только быть могутъ. Я не знаю, поймешь ли ты меня

читатель; но если обратишь вниманіе, какія иногда приходятъ тебѣ мысли въ голову, то, можетъ быть, узнаешь это по опыту.

8) Отвергай всѣ нечистыя и похотливыя мысли, оскверняющія и заражающія душу, хотя скрытыя отъ людей, но явныя предъ Богомъ, которыя— мерзость въ очахъ Его. Спаситель нашъ предостерегаетъ отъ нихъ, какъ отъ тайнаго прелюбодѣянія, *Матѳ. V. 28*: „а я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вождельніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ“, (несовмѣстнаго съ чистотою души, какой требуетъ Евангеліе).

9) „Берегись слишкомъ предаваться мрачнымъ и меланхолическимъ мыслямъ.“ Многіе способны все видѣть въ мрачномъ цвѣтѣ. Густое облако застилаетъ ихъ умъ, но когда оно разрѣшится слезами, то опять все предъ нимъ прояснится. Часто такое мрачное состояніе происходитъ чисто механически и зависитъ, или отъ болѣзненнаго тѣлосложенія, или отъ случайнаго разстройства организма. Но кому дорого спокойствіе души, тотъ, для сохраненія его, долженъ беречься отъ такого мрачнаго расположенія духа.

10) „Съ другой стороны, удерживайся отъ неумѣренныхъ восторговъ и воображаемаго торжества.“ Многіе столь же безумно радуются, какъ другіе печалятся, а иные, повременамъ, переходятъ изъ одной крайности въ другую, смотря по душевному расположенію. Тогда надо недовѣрять своимъ

взволнованнымъ мыслямъ и внимательно смотрѣть за ними, иначе онѣ овладѣютъ разсудкомъ и введутъ въ насъ ложный взглядъ на самихъ себя и на обстоятельства, такъ что мы совсѣмъ другое получимъ объ нихъ понятіе, когда духъ нашъ придетъ въ болѣе спокойное состояніе.

Но, прежде нежели станемъ мысленно судить о чемъ-нибудь, мы должны разумно разсудить о самыхъ мысляхъ нашихъ; потому что онѣ не всегда способны къ сужденію. Мы не вѣримъ мнѣнію человѣка о другихъ, если не имѣемъ добраго мнѣнія о немъ самомъ; также не должны довѣрять и рѣшеніямъ нашего разсудка, пока не увѣримся въ его безпристрастіи и въ томъ, можетъ ли онъ самъ быть судьей, и въ такомъ ли состояніи, чтобъ ясно видѣть въ чемъ дѣло? — Недостатокъ этого предварительнаго сужденія о самихъ себѣ нерѣдко бываетъ причиною множества самообольщеній и ложныхъ заключеній.

Наконецъ, съ ужасомъ отвергай всѣ нечестивыя и богохульныя мысли, которыя, мы сами не знаемъ какъ, проходятъ въ умъ, хотя легко можемъ подозревать откуда. Какъ отражать такія злыя искушенія и поводы къ грѣху, тому научаетъ насъ Самъ Спаситель Своимъ примѣромъ: „*Отойди отъ меня сатана*“. *Матѳ. IV. 10*: Тогда Іисусъ говоритъ ему: „отойди отъ Меня сатана; ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и служи Ему единому“.

Противу всѣхъ вышеозначенныхъ мыслей мы

всегда должны быть на-сторожѣ, и какъ онѣ (особенно нѣкоторыя) часто вкрадываются въ сердце, то не забудемъ поставить у дверей его стражемъ разумъ, чтобъ охранять входъ и не впускалъ ихъ внутрь, а если войдутъ, тотчасъ выгонялъ бы ихъ, не только какъ непристойныхъ, но и какъ злыхъ нахаловъ.

11) Есть и другаго рода мысли, къ которымъ мы только должны быть благосклонны, но съ большимъ тщаніемъ стараться ихъ удерживать и ими пользоваться.

Мысли, которыя доставляютъ душѣ разумное и религіозное удовольствіе и просвѣщаютъ умъ и сердце, мы должны ласкать, часто собирать ихъ и тщательно воспитывать въ себѣ. Мы должны удерживать ихъ, пока онѣ не впечатлѣются въ умѣ такъ, чтобы могли оставаться въ немъ навсегда.

А чтобы приучить умъ открывать, собирать и тщательно совершенствовать такія мысли, нужны двѣ вещи: 1) приучить себя къ уединенному разумному размышленію и 2) къ нравственному осужденію ихъ и къ религіознымъ созерцаніямъ.

1) Чтобы приготовить и расположить умъ къ занятію добрыми и полезными мыслями, мы должны приучить его къ уединенному и разумному порядку размышленія.

Если въ васъ возбудилась добрая мысль, слѣдите за нею, не теряйте ее изъ вида, и не допускайте какимъ-нибудь случайнымъ бездѣлицамъ отклонить васъ отъ нея. Не оставляйте ее до

тѣхъ поръ, пока не исчерпаете ее вполне и не сообразите всѣ могущія быть отъ нея слѣдствія и послѣдствія. Впрочемъ, не останавливайтесь на предметѣ долѣе, нежели сколько нужно для свободнаго объ немъ размышленія; потому что ограничивать мышленіе, когда предметъ какъ бы весь исчерпанъ, значило бы давать мышленію неестественное направленіе безъ всякой пользы. Тогда мысли ослабѣютъ и обратятся къ какому-нибудь другому предмету.

Для сосредоточенія мышленія на одномъ предметѣ, о которомъ вы разсуждаете, требуется не мало труда, чтобы собрать и остановить на немъ разсѣянные мысли. Уясните себѣ предметъ, сколько возможно со всѣхъ сторонъ, выразите лучшія ваши идеи приличными словами, и произносите ихъ съ размышленіемъ, или запишите ихъ.

Каковъ бы ни былъ предметъ, не выводите изъ него другихъ послѣдствій кромѣ ясныхъ и естественныхъ. Это лучший путь для доставленія уму истиннаго и основательнаго о немъ понятія; напротивъ, ложное понятіе происходитъ отъ того, что мы, не понявъ предмета, выводимъ изъ него натянутыя и ненатуральныя слѣдствія, приписывая имъ ту же степень вѣроятія, какъ самымъ разумнымъ и несомнѣннымъ началамъ.

Остерегитесь отъ поверхностнаго и неяснаго взгляда на предметы; изслѣдуйте ихъ глубже, до самаго основанія, и удовлетворяйтесь одними ясными идеями (если только можно ихъ имѣть) обо

всемъ, о чемъ вы читаете, слышите, или размышляете. Когда же мы остаемся съ неполными и темными понятіями, то это часто служитъ источникомъ недоумѣній и ошибокъ.

Такая правильность и надлежащее направленіе мыслей и разумныхъ способностей можетъ быть для васъ весьма полезна и при обыкновенномъ ученіи; она остережетъ васъ отъ легкомыслія и фантастической игры воображенія. Только не будьте слишкомъ чувствительны къ одной при этомъ непріятности, именно: когда доведется переносить недостатки и невѣжество другихъ, которые часто говорятъ вздоръ и самымъ непріятнымъ образомъ. Такихъ людей благоразумнѣе сносить, чѣмъ имъ противорѣчить. Вы испытаете великую пользу этого метода при изслѣдованіи истины и открытіи заблужденій; а удовольствіе, которое вы получите отъ хладнокровной и правильной сдержанности при сохраненіи, изслѣдованіи и совершенствованіи добрыхъ и полезныхъ мыслей, съ избыткомъ вознаградитъ васъ за эту небольшую непріятность.

2) Если вы хотите запастись и питать умъ добрыми мыслями, то должны приучить его заниматься нравственными и религіозными предметами.

Конечно, нельзя благороднѣе и полезнѣе занять свой умъ, какъ размышляя о такихъ предметахъ; потому что приобретаемая чрезъ то понятія выше всѣхъ другихъ познаній какъ по самому предмету,

такъ и по цѣли ихъ. Предметъ ихъ — Богъ, а цѣль — вѣчное блаженство.

Высокая цѣль религіи: „сдѣлать насъ подобными Богу и руководить къ блаженству.“ — Кто не имѣетъ этого направленія, и даже противное ему, тотъ можетъ, если ему угодно, говорить о религіи, но только не во имя религіи. И еслибъ онъ называлъ религіознымъ познаніемъ такое, которое не ведетъ къ этой цѣли, то оно будетъ не религіозное, а какое-нибудь другое, ложно называемое этимъ именемъ. Иные до того привыкли злоупотреблять словами и понятіями, что не только называютъ, но и почитаютъ за религію предметы, совершенно ей противные, и такія понятія выдаютъ за религіозныя, которыя прямо ведутъ къ безвѣрію.

Искренность истиннаго религіознаго чувства лучше всего познается изъ легкости, съ какою мысли обращаются къ Богу, и изъ удовольствія, съ какимъ исполняются благочестивыя упражненія.

Хотя намъ и не всегда нравится слышать религіозные разговоры людей, которыхъ и вкусъ и чувства съ нами не согласны, у которыхъ и самый способъ объясняться имѣетъ что-то непріятное; но если человекъ самъ не имѣетъ расположенія думать и разговаривать о такихъ предметахъ, то это даетъ большой поводъ подозрѣвать, что сердце его неправо предъ Богомъ. Если же онъ часто и прилежно занимается благочестивыми размышленіями, то это не только добрый знакъ его ис-

кренности, но вмѣстѣ и расположенія къ приобрѣтенію лучшихъ и полезнѣйшихъ мыслей, равно какъ и желанія благороднѣйшей бесѣды.

Итакъ, для человѣка всего важнѣе наблюдать: какими мыслями онъ занимается, и какое любитъ общество; потому что и то другое одинаково дѣйствуютъ на умъ. Худыя мысли то же, что худое общество, а добрыя просвѣщаютъ, наставляютъ и занимаютъ умъ, какъ хорошее сообщество. Вотъ выгода уединенія. Тогда человѣкъ можетъ избрать себѣ такихъ собесѣдниковъ, какіе ему болѣе по сердцу.

Но какъ въ мірѣ мы чаще находимся болѣе въ худомъ, нежели въ хорошемъ обществѣ, такъ и въ уединеніи чаще смущаютъ насъ мысли непристойныя и безполезныя, нежели сколько занимаютъ пріятныя и полезныя. Если же человѣкъ до того потерялъ власть надъ собою, что предается на произволъ всякой глупой, или тревожной мысли, то положеніе его можно сравнить съ трактирщикомъ, у котораго домъ для всѣхъ открытъ, и всякій, какъ бы онъ ни былъ шумливъ, грубъ и безпокоенъ, прямо идетъ въ него; разница въ томъ, что трактирщикъ получаетъ какую-нибудь выгоду за свое безпокойство, а этотъ лишается своего мира и спокойствія ни за что.

Хорошее управленіе мыслями, какъ предметъ великой важности для спокойствія души и совершенствованія ума, да будетъ мнѣ извиненіемъ, что я такъ долго останавливалъ на немъ вниманіе.

Заклучу однимъ замѣчаніемъ: опасно думать, какъ это съ многими бываетъ, что все равно какія бы мысли ни занимали наше сердце; свидѣтельство Св. Писанія увѣряетъ насъ, что допускать въ себя глупыя мысли есть грѣхъ. *Притч. XXIV. 9.* „Нечестивая мысль, есть грѣхъ; а злословіе, есть мерзость человѣковъ“.

ГЛАВА XV.

О п а м я т и.

„Человѣкъ, знающій себя, наблюдаетъ не только за своими мыслями, но и за усовершенствованіемъ.“

Память есть способность души, назначенная быть хранилищемъ наиболѣе полезныхъ знаній, которыя берегаются въ ней для употребленія въ нужныхъ случаяхъ.

Нельзя пріобрѣсти полного самопознанія безъ вниманія къ памяти во 1-хъ, относительно ея запаса, во 2-хъ, ея улучшенія.

1) Человѣкъ, знающій себя, долженъ обращать вниманіе на запасъ, берегаемый имъ въ памяти. вмѣсто полезныхъ знаній, не надо заваливать ее хламомъ и лоскутьями, или ничтожными понятіями, которыя стыдно показать людямъ умнымъ и съ тонкимъ вкусомъ.

Если запасъ дурень, то не умножай его. Переполнять имъ слабую память то же, что переполнять слабый желудокъ. А чтобы не заваливать ее хламомъ, то смотри: какое общество ты любишь,

какія читаешь книги, и какія мысли тебѣ болѣе нравятся? иначе, ты наполнишь ее бесполезными бездѣлицами, прежде нежели о томъ догадаешься; побереги же въ ней мѣсто и для лучшихъ познаній. Дѣльной мысли, за которою ты давно и съ трудомъ слѣдишь, не дай ускользнуть отъ тебя, прежде нежели она сдѣлается твоею. Возвратить и удержать ее можетъ быть для тебя гораздо полезнѣе, нежели чтеніе въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

Какъ жалко смотрѣть на людей, употребляющихъ неимовѣрные труды для знанія такихъ вещей, узнавши которыя надобно стараться забыть ихъ, что не легко достается. Эта мысль должна насъ дѣлать разборчивѣе и осторожнѣе при составленіи запаса для ума.

2) Самопознаніе знакомитъ человѣка съ объемомъ и силою его памяти, и съ тѣмъ: какъ лучше ее усовершенствовать.

Не мало требуется искусства для укрѣпленія слабой памяти такъ, чтобы она получила отъ того наибольшую пользу, какъ это бываетъ съ тѣми, у кого память крѣпче. Кажется для этого здѣсь не будутъ излишни нѣкоторыя краткія правила:

1) Береги себя отъ всѣхъ родовъ невоздержанія, при удовлетвореніи твоихъ вожделѣній и страстей. Всякое излишество, въ чемъ бы ни было, вредно для памяти.

2) Если она слаба, не обременяй ее, а наполняй только самыми полезными и основательными

познаніями. На малых суда не наваливают хламу; но если на них положен товар цѣнный и благоразумно выбранный, то и маленькое судно будетъ вдвое дороже большаго корабля съ ломотьями.

3) Заведи памятную книжку по примѣру Локка, и пересматривай ее однажды въ годъ, но остерегись, чтобы, записывая всякія мелочи для памяти, не сдѣлать ее вовсе лѣнивою; это одна невыгода Локковой методы.

4) Пользуйся всякимъ случаемъ высказать въ разговорѣ лучшія твои мысли; если это будетъ кстати, то онѣ глубже впечатлѣются въ тебѣ. Вотъ отъ чего не забываютъ народныя сказки, хотя и пустыя, если часто рассказываютъ ихъ.

5) Чтобы лучше припомнить какую-нибудь идею, присоединяй къ ней другую, болѣе тебѣ знакомую, имѣющую нѣкоторое къ ней отношеніе или по смыслу, или по звуку слова, какимъ она выражается, или по мѣсту и времени. Потомъ, пересказывая вспомнутую мысль, связывай съ нею другую, которая къ ней относится, или можетъ быть къ ней присоединена, и за которою послѣ ты бы напрасно гонялся. Это особенно полезно для воспоминанія именъ.

6) То, что тебѣ хочется непременно запомнить, повтори въ памяти прежде, нежели заснешь ночью; вспомни о томъ и поутру, когда все способности свѣжѣе, равно и вечеромъ припомни все, что случилось въ продолженіе дня и достойно воспоминанія.

7) Но недовольно того, чтобы ты свою кладовую наполнилъ хорошими мыслями, надо и расположить ихъ въ порядкѣ, раздѣльно, по предметамъ, и классамъ, такъ что когда придется тебѣ о нихъ думать, или говорить, то тотчасъ была бы готова хорошая мысль, которую ты сложилъ въ память объ этомъ предметѣ, и одно напоминаніе о немъ тотчасъ наводило бы тебя на эту мысль. Такимъ образомъ ты заведешь у себя записную книжку въ памяти. Иногда не худо просматривать инвентарь твоего умственного запаса, и провѣрить: сколько добрыхъ мыслей собралъ ты въ твою сокровищницу о разныхъ предметахъ, и откуда получалъ ихъ?

Наконецъ, ничто столько не помогаетъ памяти, какъ то, чтобы чаще думать, говорить, или записывать о тѣхъ предметахъ, о которыхъ желаешь вспоминать. Но объ этомъ довольно.

ГЛАВА XVI.

О внутреннемъ, или духовномъ вкусѣ.

„Человѣкъ, знакомый съ собою, чувствуетъ и замѣчаетъ въ себѣ особенное расположеніе духа, или особый внутренній вкусъ, преимущественно въ отношеніи къ религіознымъ предметамъ“.

Гау справедливо замѣчаетъ, „что въ человѣкѣ, „кромѣ понятія и разсужденія и того небеснаго дара, который въ Св. Писаніи называется благодатію, есть еще какое-то внутреннее расположеніе, или вкусъ духовный, столь же многообразный, какъ различны чувственные вкусы. Поэтому „нельзя сказать вообще, чтобы люди избирали „себѣ тотъ, или другой путь, болѣе по своему разсудку, или по благодати;—иногда избираютъ по „какому-то особенному расположенію духа, чего я „не могу иначе назвать, какъ внутреннимъ, духовнымъ вкусомъ. Въ этомъ нѣтъ ничего таинственнаго и оно похоже на наше натуральное расположеніе, или нерасположеніе къ нѣкоторымъ предметамъ. По свойству человѣческой природы это „общее всѣмъ людямъ, но также разнообразно какъ „и прочія личныя наши наклонности“.

Такое различное расположеніе, или вкусъ относительно религіозныхъ предметовъ, вообще происходитъ отъ различнаго воспитанія и навыка, хотя иногда можетъ быть и врожденнымъ человѣку. Истинная причина нерасположенія и даже закоренѣлаго отвращенія отъ нѣкоторыхъ, достойныхъ одобренія религіозныхъ предметовъ, и въ то же время постоянного уваженія къ другимъ, болѣе исключительнымъ, у многихъ, какъ я слышалъ отъ весьма почтенныхъ людей, происходитъ отъ того болѣе, что къ однимъ они привыкли, а къ другимъ нѣтъ. Человѣкъ, при продолжительномъ употребленіи грубой и нездоровой пищи, по привычкѣ, получаетъ къ ней вкуса болѣе, нежели къ питательной, но легкой. Такъ, привыкнувъ долгое время къ извѣстному складу словъ, или стиховъ, понятій и постепенной послѣдовательности въ нихъ, мало-помалу, можно до того увеличить къ нимъ свое благоговѣніе, что будешь презирать и ухуждать всѣ другія, въ которомъ не привыкъ, хотя бы они были и назидательнѣе, и болѣе согласны съ Св. Писаніемъ и разумомъ.

Такой особенный вкусъ къ предметамъ, относящимся до религіи, какъ справедливо замѣчаетъ Гау (Howe), весьма не сходенъ ни съ разсудкомъ, ни съ благодатію, хотя нерѣдко принимается за то, или другое. Но въ первомъ случаѣ онъ ведетъ къ ошибкѣ, а во второмъ къ нетерпимости.

Такой различный вкусъ къ духовнымъ предметамъ, почти тоже, что мы, въ отношеніи чувствен-

ныхъ предметовъ, называемъ воображеніемъ. Какъ нельзя сказать о комъ-нибудь, что его вкусъ въ пищу лучше нежели у другаго, потому только что онъ ее любитъ: такъ не можемъ признать чье-либо осужденіе о предметахъ религіозныхъ болѣе основательнымъ потому только, что онъ держится особенныхъ ученій и формъ.

Но этотъ вкусъ не есть то же, что разсудокъ, хотя онъ нерѣдко склоняетъ его на свою сторону и часто деже искажетъ его.

Всего примѣтнѣе это въ слушателяхъ проповѣдей; одни желаютъ, чтобъ онѣ были болѣе патетическія и обличительныя, другіе — чтобъ онѣ были основательнѣе и рациональнѣе, третьи хотятъ болѣе возвышенныхъ и мистическихъ; для однихъ онѣ не вполне ясны; для другихъ не довольно утонченны; одни желаютъ, чтобъ онѣ обращались къ ихъ разуму и понятію, другіе, — чтобъ болѣе дѣйствовали противъ привязанностей и страстей, а третьи — чтобы преимущественно относились къ практической жизни и совѣсти. И всякій слушатель, или читатель готовъ судить о нихъ по своему вкусу и уважаетъ болѣе того проповѣдника, или писателя, какой ему нравится, не давая оцѣнки впрочемъ своему вкусу, по которому онъ судитъ объ нихъ.

Весьма естественно, чтобы всякому нравился его вкусъ, но то не рационально, чтобы почитать свой вкусъ, за лучший и дѣлать его образцомъ и знаменемъ для всѣхъ; а еще неблагоразумнѣе ожидать,

чтобы говорящій публично, говорилъ только по нашему вкусу, когда благоразуміе велитъ полагать и въ другихъ такой же вкусъ, но только различный. Что предлагается для множества слушателей, то не можетъ сообразоваться со вкусомъ каждаго. Такъ общій столъ, искусно и тщательно приготовленный, не можетъ нравиться всѣмъ одинаково по различію вкусовъ и аппетитовъ, между которыми могутъ случиться и весьма утонченные и болѣзненные.

Дѣло проповѣдника принаровлять свои рѣчи ко вкусу слушателей, сколько то позволить вѣра и совѣсть; это извѣстно и по уму и по опытности, равно и по указанію и опыту апостола Павла, и есть лучшее средство къ назиданію слушателей. Но если вкусъ слушателей совсѣмъ испорченъ и склоненъ къ тому, что производитъ болѣе вреда, нежели добра, и они лучше любятъ ядъ, нежели пищу; въ такомъ случаѣ, самое христіанское дѣло, со стороны проповѣдника: — стараться исправить этотъ порочный аппетитъ, который отвращается отъ того, что всего для него спасительнѣе, и просить того, что для него губительно. Это долгъ проповѣдника; онъ обязанъ исполнить его со всевозможнымъ добродушіемъ и благоразуміемъ хотя бы чрезъ то подвергся сомнѣнію въ истинѣ его сужденій и въ правотѣ, что очень возможно; потому что вообще тѣ наиболѣе судятъ произвольно и безпошадно. которые менѣе всего могутъ быть судьями.

Конечно, самая неизъяснимая слабость человеческой природы, относительно религіозныхъ предметовъ, та, что мы гораздо враждебнѣе къ тѣмъ, которые лишь немного расходятся съ нами въ мнѣніяхъ. Кто подойдя близко къ нашему знамени, остановился, тотъ дѣлается предметомъ нашего отвращенія и нетерпимости болѣе, нежели стоящіе весьма далеко отъ него. Надо очень хорошо знать свой нравъ и владѣть имъ, чтобы быть выше этой слабости.

Итакъ мы всѣ должны тщательно узнать и провѣрить нашъ вкусъ въ отношеніи религіозныхъ предметовъ, и если онъ ложенъ, то повѣрить его, если дуренъ, то исправлять его, если хорошъ, то укрѣплять и совершенствовать его; потому что духъ нашъ также способенъ къ ложному вкусу какъ и ротъ; въ томъ они очень сходны, что привыкнувъ долго къ неестественному вкусу, они находятъ его хорошимъ. Но, открывъ и провѣривъ его по свидѣтельству Св. Писанія, разума и совѣсти, если найдешь, что онъ не совсѣмъ испорченъ, то потерпи и читай книги, болѣе къ тому относящіяся; онѣ въ семь случаевъ должны быть для тебя назидательны. Въ то же время обрати вниманіе на двѣ вещи во 1-хъ, чтобы это не сдѣлало твоего сужденія одностороннимъ и 2-е, чтобы не уменьшило христіанской любви и не повело къ нетерпимости.

ГЛАВА XVII.

О великой и главной цѣли нашей жизни.

„Другая часть самопознанія состоитъ въ томъ, чтобы узнать главную цѣль нашей жизни“.

Мы должны размыслить: какая конечная цѣль, къ которой мы стремимся? Какія главные правила и основанія, по которымъ мы живемъ? Или мы еще не опредѣлили своей цѣли и не слѣдуемъ постояннымъ началамъ, или ведемся такими, которыхъ сами стыдимся?

Мало людей до того безпечныхъ, чтобы не имѣли предъ глазами какой-нибудь главной цѣли въ жизни; всегда что-нибудь имѣетъ вліяніе на ихъ поведение и составляетъ главный предметъ ихъ дѣятельности и надежды. Человѣкъ не можетъ жить безъ какихъ-нибудь цѣлей, но благоразумный непремѣнно хочетъ знать: каковы онѣ, и должно ли ими руководствоваться. Таковы ли, чтобы разумъ могъ ихъ одобрить, или онѣ внушаются только вообра-

женіемъ и какимъ-нибудь увлеченіемъ. Онъ хочетъ не только разумно говорить, но сколько возможно, и дѣйствовать разумно, и стыдится болѣе неправильности и противорѣчія въ своемъ характерѣ, нежели въ разговорахъ.

Гдѣ центръ нашихъ цѣлей? Въ этомъ ли мірѣ, или въ томъ, куда мы идемъ? Если наши надежды и радости заключаются здѣсь, то какая убійственная мысль, что мы, съ каждымъ днемъ, удаляемся отъ нашего счастья! Но если онѣ выше, то какъ радостно думать, что мы ежедневно приближаемся къ предмету нашихъ высшихъ желаній.

О томъ ли мы болѣе всего заботимся, чтобъ казаться великими въ глазахъ людей, или—добрыми въ глазахъ Божіихъ? Если первое, то мы подвергаемъ себя терзаніямъ безпрестаннаго разочарованія, оттого что, или зависть людей не отдаетъ намъ полной справедливости, или наше тщеславіе не довольно тѣмъ, что мы отъ нихъ получаемъ.

Но если второе составляетъ главную заботу нашу, если мы имѣемъ въ виду прежде всего угодить Богу, то мы кладемъ твердое основаніе постоянному и прочному благополучію, не говоря о томъ, что это есть и болѣе вѣрное средство сдѣлаться истинно-лучшими и заслужить уваженіе тѣхъ, которыхъ похвала достойна того, чтобъ желать ее.

Да будетъ же это, душа моя! твоимъ разумнымъ и постояннымъ желаніемъ: пусть симъ ограничатся

и направляются твои взоры; да будетъ это твоимъ закономъ, который грѣшно нарушать, хотя бы ты подверглись за то, неуваженію и презрѣнію другихъ. Да будетъ это характеромъ твоимъ, который ты навсегда рѣшилась сохранить, какъ въ частной, такъ и въ общественной жизни. т. е. чтобы быть другомъ Божіимъ, любя Бога и полагая всю свою надежду на него какъ въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Не выпускай изъ вида этой цѣли и не теряй ее ни на минуту.

ГЛАВА XVIII.

Какъ узнать истинное состояніе нашей души, и готовы ли мы къ смерти?

„Наконецъ, при познаніи себя, самое важное дѣло въ томъ, чтобъ узнать истинное состояніе души своей въ отношеніи къ Богу и въ какомъ положеніи находимся мы относительно смерти.

Эти два предмета, по существу своему, не раздѣльны и потому я предлагаю ихъ вмѣстѣ. Только чрезъ познаніе перваго возможно опредѣлить послѣднее; потому что никто не можетъ сказать, что онъ готовъ къ смерти, если не знаетъ истиннаго состоянія души своей.

„Это вопросъ о такой важной минутѣ въ жизни, что поразительно, какъ разсудительный и мыслящій человѣкъ можетъ удовлетворяться неизвѣстностью о томъ, что такое значить *умереть*? И такъ, займемся разсмотрѣніемъ этого важнаго вопроса съ полною откровенностію и посмотримъ: не можемъ ли мы дойти до нѣкотораго удовлетворительнаго отвѣта на основаніи твердыхъ началъ.

Чтобы знать: „готовы ли мы къ смерти“, надо напередъ узнать, „что же приготовляетъ насъ къ смерти“? На это весьма естественный и простой отвѣтъ: „то, что приготовляетъ насъ быть блаженными по смерти“.

Это вѣрно; но вотъ опять вопросъ: „что же приготовляетъ насъ къ блаженству по смерти“?

Для отвѣта на это, предварительно надо опредѣлить: „въ чемъ же состоитъ это блаженство“?

Это не рай безумцевъ, или магометанскія грезы о чувственныхъ воздаяніяхъ; это блаженство должно быть сообразно съ натурою души, должно быть таково, чтобы она могла наслаждаться имъ по разлученіи съ тѣломъ. И можетъ ли оно быть чѣмъ другимъ, кромѣ наслажденія Богомъ, какъ совершеннѣйшимъ существомъ и Творцемъ нашимъ.

Слѣдовательно, вопросъ приходитъ къ тому: „что же приготовляетъ насъ къ наслажденію Богомъ въ будущемъ состояніи отшедшихъ душъ“?

Кажется, мы можемъ отвѣчать на него вѣрно и кратко: „то, что дѣлаетъ насъ подобными Ему“. Это одно только содѣлываетъ насъ способными наслаждаться Богомъ по смерти, а слѣдовательно одно только можетъ и приготовить насъ къ смерти. Не имѣющіе въ себѣ подобія Богу могутъ ли надѣяться наслаждаться Имъ по смерти? А если не имѣютъ основанія для надежды къ наслажденію Богомъ въ другомъ мірѣ, то могутъ ли быть готовыми умереть?

Этотъ великій вопросъ: *готовъ ли я умереть*? разрѣшается тѣмъ: „имѣю ли я подобіе съ Богомъ“? — ибо одно это только приготовляетъ меня къ небу, а что приготовляетъ къ небу, то единственно можетъ приготовить меня и къ смерти.

Изслѣдуй и испытай этотъ вопросъ со всѣмъ вниманіемъ и безпристрастно.